

Виктор Точинов

Темные игры (сборник)

Виктор Павлович Точинов

Темные игры (сборник)

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=156971

Аннотация

Состав:

- «Темные игры полуночи» – сборник рассказов в жанре мистического, фантастического и детективного триллера;
- «Неопознанные летающие убийцы», роман, фантастический триллер

Содержание

Темные игры полуночи	4
Часть I	4
Ночь накануне Дня Дураков	4
Страшноватая история	42
Часть II	72
Три звонка на рассвете	72
Любимая	109
Конец ознакомительного фрагмента.	110

Виктор Точинов

Темные игры

Темные игры полуночи **(рассказы)**

Часть I

Темные игры полуночи

Ночь накануне Дня Дураков **(хроника кошмара)**

29 марта, 11.29, квартира Немчинова

Большой кошмар начался незаметно. В тот самый момент, когда закончился кошмарик маленький – на полторы где-то тысячи печатных знаков.

«...навсегда канули в архивах ОГПУ-НКВД-КГБ.
Судьба потомства от этого чудовищного брака

неизвестна...»

Дима поставил многоточие и усомнился: «потомства от этого брака» или «потомства этого брака»? Ай, да какая разница... Пуристы все равно такие опусы не читают. И пустил файл на сохранение.

Не шедевр, конечно. Но вполне продаваемо. Не «Бульварь» купит, так «Сплетница», не «Сплетница», так... – да разве мало в Питере еженедельников на шестнадцати страницах, о которых продавцы в электричках зазывающе кричат на весь вагон: «Семь сканвордов! Пятьдесят свежих анекдотов!! Эр-ротический рассказ!!! И многое, многое другое!» Димино творение – как раз то многое-многое... И подписи под ним не будет. Будет только в самом конце, над выходными данными, предупреждение нонпарелью: «Номер содержит фальсифицированные материалы». Ну и ладно. Что слава? – дым! А деньги платят вполне реальные...

Дима Немчинов был хохмачом профессиональным и наследственным – по линии отца. У того, правда, шутки были грубы и незамысловаты – но готовил он их тщательно и результатов дожидался с незаурядным терпением. Мог, например, раскалить на конфорке металлический рубль, выложить на лестницу и ждать, прильнув к дверному глазку, жертву – не знающую еще, что напротив квартиры Немчиновых за оброненными деньгами наклоняться опасно...

Дима относился к отцу с легкой снисходительностью и его шутки считал низкопробными. Недостойными культурного

человека. Нет, нет и нет – такое не для него, с первых опытов на тернистой наследственной стезе хохмы Димы отличались некоей интеллигентной изысканностью. Скажем, во время перерыва на обед Дима извлекал пару крутых яиц и, счищая с одного скорлупу, заводил с умным видом про то, какая удивительная штука обыденное яйцо: в пресной воде тонет, а в морской – всплывает; скорлупа разрушается от легонького удара цыплячьего клюва изнутри, а снаружи выдерживает несколько килограммов на квадратный сантиметр – и самому сильному человеку рукой яйца не раздавить, потому и разбивают скорлупу каким-нибудь твердым предметом; а химический состав белка... Здесь Диму перебивали, в любой компании найдется Фома неверующий и тут же заявит: а я вот раздавлю! На, попробуй – и по жертве собственного упрямства и глупости стекала липкая смесь желтка и белка, а Немчинов виновато говорил: «Ну надо же, забыл сварить...». Юмор тут был, по убеждению Димы, на порядок выше, чем в шутках папаши. И никто всерьез не обижался (ростом и силой, надо сказать, сынок удался в Немчинова-папу, мужика на редкость здорового).

Сейчас эти первые дилетантские розыгрыши даже смешно вспоминать – Дима вспоминал, смеялся – и порой пускал в ход хорошо забытое старое.

Но чтобы шутить над людьми с надлежащим размахом, надо или работать в правительстве (желательно в министерстве финансов), или пристраиваться в средства массовой ин-

формации. В правительство Диму не приглашали – на его визитной карточке скромно значилось: литератор. Любопытствующим, какими творениями осчастливил он отечественную литературу, Дима отвечал попросту: многими; пишу для газет, журналов, сценарии для телевидения...

Почти и не врал. Так, слегка преувеличивал, особенно насчет телевидения – оттуда обращались к Диме редко: сочинял пять-шесть сюжетов в год для кочующих с канала на канал дебиловатых программ типа «Скрытой камеры». Но был один день в году, когда услуги Немчинова требовались и вполне серьезным информационным программам – и этот день близился... Дима ждал его во всеоружии – готовил большой прикол.

Он и сам не подозревал, *насколько* большой.

29 марта, 11.30, там же

Большой кошмар начался банально. С обычного телефонного звонка.

– Хорошо что застал, Серега, я убежать собрался, а пейджер у меня отключен сегодня, – соврал Дима, не желая показывать собеседнику, что уже третий день безвылазно сидит дома, ожидая звонков – в том числе именно этого. Впрочем, тот, надо думать, догадывался о чем-то подобном – в последнее время дела у Димы шли не блестяще.

– Ну и отлично, – Залуцкий вечно куда-то спешил, разво-

дить долгие политесы ему было некогда и он с ходу взял быка за рога. – Слушай, старик, может возникнуть потреба в твоих бесценных услугах. Ничего не обещаю, но для Юльки мы тут отсняли первоапрельскую пенку – а ей сюжет чем-то не нравится. Если не доведем до ума – придется переснимать. У тебя там нет мыслей светлых в заглавнике?

Тоже врал, понятное дело. Ничего они для Юлечки Вишневецкой, восходящей телезвездочки, еще не сняли – просто загодя сбивал цену.

– Не знаю, Серега, не знаю... – протянул Дима. – Что-то вы поздно спохватились. Почти все путное раздал... Есть, правда, классный сюжетец – уже обещал на шестерку. Но если успеете перехватить и не пожмотничаєте...

– Изложи коротенько, – попросил Залуцкий, ни на секунду не поверивший в интерес со стороны шестого канала. По большому счету, взаимной ложью тут и не пахло – обычный, входящий в правила игры, блеф.

Дима изложил. Залуцкий притворно засомневался:

– Да вроде было что-то похожее на первой кнопке в прошлом году...

– Во-первых, не в прошлом, а три года назад. Во-вторых, после овечки Долли и генетических продуктов тема пройдет как по вазелину, схавают как миленькие... И нервы публике пощекочем, и в духе времени – прославим родную науку.

– И что ты хочешь с этого поиметь? – перешел наконец к главному Залуцкий.

Дима ответил.

– Ну-у, старик, ты дал... – зашелся Серега в притворно-возмущенном удивлении. – Да Посовец за вдвое дешевле клеветный сюжет предложил: Моника-минетчица к нам на презентацию своей книги прилетает. А ее у «Невского Паласа» сгребают милиция, приняв за шлюшку... И телка у него на примете есть задастая, в парике и темных очках – вылитая Левинская.

Посовец был коллега по цеху и злейший Димин конкурент – личность жалкая и ничтожная, с самым низкопробным, для дебилов, юмором. Но Дима не стал поливать грязью засранца, сказал только:

– Смотрите сами, баба склочная, по судам ведь потом затаскает... Да и хорошая хохма должна пугнуть как следует, а кого ты бюстом Моника напугаешь?

Потом немного поспорили на математические темы – в каких разумных пределах можно корректировать названную Димой цифру. Боезапас аргументов у Немчинова оказался значительно больше.

– Смотри дальше, – гвоздил он, как из ротного миномета. – Аксессуары потребные я привожу с собой, уже все готово. Кореш мой, тоже Димка, Одинцов – помнишь, пили как-то вместе в «Царскоселке»? – так вот, он завтра и послезавтра у себя в лаборатории дежурит, ночью – все договорено, только подскочить надо попозже, после шести, когда народ порасползется. Ну и захватить с собой, что положено. Опять

же и вид у него, пока не выпьет, совсем не лаборантский – вылитый молодой ученый, раздвигатель горизонтов познания. А Юльку вашу вы потом доснимете с вводным словом на фоне билдинга ихнего – классно выйдет, если подходящую точку выбрать: устремленный в небеса храм, блин, науки... Да тебе все ж на халяву в руки валится, а ты еще торгуешься? Несолидно...

Похоже, убедил.

– Ну ладно, старик, я еще немного подумаю... Если что – брякну завтра с утра. Ты пропуска на всякий случай закажи... Кстати, какой билдинг?.. не догнал я что-то...

– Если по Гагарина от центра ехать, знаешь высокое такое серое здание слева? Вокруг домишки маленькие, оно на вид совсем небоскребом смотрится...

– А-а-а... Вот это где... Я-то думал, там таможня...

– Да там теперь и таможня, и банк, и куча фирм разных – чего только нет, все в аренду посдавали. Но и за НИИ еще кое-что числится...

Они распрощались и Дима довольно прищелкнул пальцами – дело выгорело, а насчет «подумать» Серега так, по инерции форсу подпускает...

**30 марта, 15.49, редакция
«Царскосельского листка»**

Большой кошмар разворачивался неторопливо. Ведь

быстро только кирпичи падают на голову – но это, по большому счету, не кошмар. Несчастный случай.

...Готовить «аксессуары» для праздничного прикола пришлось в редакции, где Дима три последних дня не появлялся, провоцируя служебные неприятности. Теперь пришлось отрабатывать – и к лучшему, народу в выходные меньше обычного, можно без помех подготовиться к телехокке.

Готовили (точнее говоря – варили) на редакционной плитке, смахнув с нее кучу бумажного хлама. Добровольным помощником в нелегком деле вызвался Левушка Райзер, большой энтузиаст заниматься чем угодно, кроме своих прямых обязанностей.

– Вроде остыло... – потряс Левушка небольшую миску, куда они залили экспериментальную порцию варева.

– Жидкое слишком, – безрадостно констатировал Дима, безразлично тыкнув пальцем в студенистую массу.

– Может, желатина мало? – предположил Левушка.

Может, конечно, и мало. Только больше все равно нет, и взять сейчас негде, точнее некогда – через три часа съемка. Черт побери! Надо было плюнуть совсем на службу, соврал бы уж потом что-нибудь – и двинуть прямо к Наташке, у нее работа надомная... Уж бабы в варке всяких желе да пудингов наверняка лучше разбираются...

– Что, если крахмал добавить? – пришла в кудрявую голову Левушки свежая мысль.

– А где его взять сейчас в темпе? – тоскливо посмотрел

на часы Дима. Гениальную идею на корню губило неумелое техническое воплощение.

– У Петровны вроде валялся. Еще с осени. Она у нас экономная, скотчем окна не заклеивает, клейстер варит... Сейчас схожу быстренько.

Вернулся он минут через десять, с бумажным пакетом, украшенным надписями на явно заграничном языке. В языках они оба сильны не были.

– Точно крахмал? – подозрительно спросил Дима, рассматривая принесенную порошкообразную субстанцию. – Странный какой-то...

Честно говоря, о внешнем виде крахмала он имел довольно смутное представление. И едва ли отличил бы, к примеру, от муки. Обмакнул палец в порошок, но лизнуть не решился.

– Не знаю, – отнюдь не рассеял сомнений Левушка. – Петровны не было, я у нее в столе пошарился. Вроде на крахмал похоже... Сыпь, не отравишься, все равно не для еды.

И Дима высыпал весь подозрительный порошок. Без остатка.

Райзер долго будет потом видеть один и тот же кошмарный сон – пакет медленно, тягуче наклоняется, белая струйка едва ползет вниз, он пытается крикнуть, помешать, гортань парализована, руки тоже, Немчинов ничего не видит и не слышит – и Левушка раз за разом будет просыпаться с бешеным криком: «Останови-и-и-ись!!!»

30 марта, 16.18, там же

– Варите что-то? Какой нынче праздник? – в дверь проник чуткий породистый нос Люськи Синявской, большой любительницы угоститься на халяву. Вслед за носом в их комнатушке очутилась и его законная обладательница.

Чтоб ты раньше пришла, неприязненно подумал Дима, *глядись, надпись бы на пакете перетолмачила...* Про Синявскую ходили слухи, что она великая полиглотка, закончила филфак и владеет не то пятью, не то даже шестью языками – впрочем, никому в редакции проверить это не удавалось, ввиду отсутствия знатоков латыни, греческого и португальского. Приходилось верить на слово, но французскую и английскую мову Люська знала точно. Но их трудам это никак помочь не могло – разорванный в клочки пакет-улика был уже выброшен в мусорный бачок в мужском туалете.

– Так что готовите, мальчики? – застывшая лет десять назад на тридцати с хвостиком Синявская звала мальчиками абсолютно всех представителей противоположного пола.

– Любовный напиток варим, – мрачно ответил Дима, не терпевший Люську. – Приворотное зелье. Тебе для работы не надо, как первой свахе? Нальем по сходной цене...

Еще в последние времена Союза, когда брачные объявления печатались лишь в плюющих на все прибалтийских газетах, Люська Синявская выступила в роли застрельщика и

новатора – открыла в районной газете еженедельную рубрику «Знакомства», угодив в телесюжет как «первая сваха города Пушкина» – и прозвище приклеилось.

Он надеялся, что после таких слов Люська отвалит, позволив без помех продолжить эксперимент с крахмалом. Ан нет, настырная стерва с охотой включилась в пикировку:

– Я вообще-то с этим делом завязала, но для вас, мальчишки, готова вспомнить юность золотую и расстараться. Больно смотреть, как вы холостыми на корню сохнете. Особенно Левушка... совсем иссох... как былинка, от ветра клонится...

Райзер, с трудом втискивающийся в пятьдесят четвертый размер, смущенно попытался втянуть живот. Дима, перейдя на «вы», начал откровенно хамить:

– Да какие наши годы, мы еще слевой покажем... А вот вам, Людмила Федоровна, пора бы наконец о семейной жизни задуматься...

Похоже, проняло. О скрипуче-ледяной голос Синявской можно было уколоться и обрезать:

– Я вообще-то замужем, Димочка...

– Да-а-а?.. – недоверчиво протянул Дима, сжигая все корабли и переходя все Рубиконы. – Еще замужем? А глаза какие-то неудовлетворенные... Костика, наверное, плохо кормите – не справляется *мальчик*?

Удар ниже пояса. У Костика, не то четвертого, не то пятого мужа Синявской (лет на семь ее младше), сейчас действительно голодные времена. Гонконгские «мыльницы», пона-

купленные весьма далекими когда-то от фотодела гражданами, подорвали доходы вольного фотографа. Люськина писанина кормила обоих.

Синявская яростно фыркнула и вышла, не прощаясь.

– Зря ты так, – сказал миролюбивый Левушка. – Нагадить она может ох как не слабо...

– Да и черт с ней! И на листке этом свет клином не сошелся, давно тут все опостылело... – зло парировал Дима, и, немного успокоившись, добавил:

– Ну все, пора разливать. Придерживай формы...

Большой кошмар вступил в новую фазу.

30 марта, 19.02, лаборатория НПО «Гранат»

Коридоры были пустынные, даже самые записные субботние трудоголики к семи часам вечера давно разбежались. Одинцов, Димин приятель и тезка, сразу провел их в лабораторию, и тут же куда-то поспешил – не иначе как за стаканами и закуской, очертания литровки сквозь полиэтиленовый пакет он углядел мгновенно.

– Ну, старик, давай в темпе, – Залуцкий возился с камерой, – распаковывай свои аксессуары. побыстрее надо уложиться, Гера вон домой торопится... У него жена там молодая одна скучает. Ну а мы посидим потом по-холостяцки, вспомним дни былые...

Гера, на редкость молчаливый паренек, настраивал освеще-

титель. Дима, проникнувшись сочувствием к нему и к молодой жене, быстро распаковался.

– Ну как? Красотища?!

– М-да... – неопределенно протянул Залуцкий и почесал в затылке.

– Погоди, Серега, посмотришь в движении – как живая будет... Куда бы ее плюхнуть-то...

– А вон тара подходящая... – Залуцкий подставил найденную на соседнем лабораторном столе посудину.

– Это называется чашка Петри, – поделился научными познаниями Дима, хотя использовал сии чашки лишь в качестве пепельниц на пьянках с Одинцовым. – Да грязная она какая-то...

– Вываливай, старик, вываливай, время дорого...

Дима вывалил. Продукт их с Левушкой творчества (самый маленький, залитый в качестве формы в небольшую миску) теперь слизисто поблескивал боками в чашке Петри. Получилось на самом деле удачно – темная тряпка, скомканная и залитая желе, неопределенно и размыто просвечивала сквозь студенистую массу, а когда Дима тянул за привязанную к ней прозрачную, совсем незаметную рыболовную леску – псевдомедуза действительно колыхалась и дергалась как живая. Тряпка казалась неведомым внутренним органом.

Подошел Дима Одинцов – с четырьмя свежевывмытыми стаканами и кое-какой закуской.

– Отложи пока, – строго сказал ему Серега. – Сначала

съемка.

Начали снимать. Одинцов, в чистом халате и вправду похожий на молодого, подающего большие надежды ученого, нес квазинаучную ахинею. О воздействии фазомодулированным лазерным лучом на клетку в парафазе митоза, позволившем после многолетних опытов добиться фактически беспредельного роста клетки без ее деления – и о необозримых прикладных перспективах, сулимых этим открытием.

Вся его речь была написана Димой после получасового знакомства с научно-популярной книжонкой по цитологии. Глаза «молодого ученого» блестели, в голосе звучал неподдельный энтузиазм – то ли от гордости за великое изобретение, то ли от перспективы близкого знакомства с принесенной Залуцким бутылью.

Камера снимала то восходящее светило науки, то гигантскую суперклетку, шевелящуюся весьма даже зловещим образом. Потом Одинцов включил так называемый «лазер». Нелепая эта конструкция была слеплена им на скорую руку из нескольких разнородных приборов, а источником луча служил обычный эндоскопический осветитель. Включил и стал демонстрировать воздействие «фазомодулированного излучения» на клетку-великаншу.

Клетка дрыгала боками сильнее прежнего под действием невидимой глазу лески, светодиоды на конструкции мигали, стрелки на циферблатах подергивались, генераторы радостно гудели и индукторы исправно наводили магнитные поля

– засняли и это.

Одинцов намекнул было на перерыв с перекусом, но Залуцкий был неумолим. Заставил готовиться ко второй ударной сцене – выросшие до совсем уж баснословных размеров клетки-мутанты совершенно самостоятельно ползают по полу лаборатории (этих двух персонажей Дима отливал в большом и глубоком тазу).

С одной мутанткой, правда, вышла накладка – развалилась на части, когда Дима слишком сильно потянул за леску. Зато другая оказалась выше всяких похвал, ползла по пластиковым плитам совсем как живая. След за ней оставался широкий, липкий и слизистый, неприятный даже на вид...

– Снято! – объявил наконец Залуцкий. – Достаточно. Общие планы и сцены с сексапильными длинноногими лаборантками я и в архиве найду. А Юльку на фоне любого подходящего института в центре сниму, незачем сюда на окраину тащиться... Выключай свет, Гера, и собирай технику...

Уцелевшую амебу-переростка и осколки разрушившейся скинули в большой эмалированный бак для лабораторных отходов, забив его почти полностью – и оставили тут же, у стола с «лазером», постановив захватить и вынести уходя (само собой, потом забыли). Про первую, умеренных размеров мутантку, так и оставшуюся в запачканной результатами какого-то опыта чашке Петри, тоже никто не вспомнил: Гера спешил к жене, Одинцов к бутылки, а Залуцкий и Дима переругивались по поводу написанных последним для оба-

ательной Юлечки Вишневецкой слов, якобы никуда не годящихся...

Репетиция Большого кошмара закончилась.

30 марта, 20.58, там же

– Н-ну, старики, за науку! – и три лабораторных стакана с энтузиазмом звякнули друг о друга. Тосты разнообразием не блистали: за журналистику, за простую и за телевизионную, уже успели принять – теперь за науку, ну как же за нее, кормилицу, не выпить?

Пили в соседнем помещении, в лаборантской – здесь было поуютней, о чем-то надрывно пел магнитофон (который, впрочем, никто не слушал), стены украшали постеры с полуголыми красотками и плакатики с псевдоуказами псевдо-Петра о лихом и придурковатом виде для подчиненных и с лягушками, злобно душащими жующих их цапель.

Разговор шел оживленный, но довольно бессвязный. Залуцкий рассказывал байки из жизни телезвезд (порой сбиваясь на собственные амурные похождения), Одинцов налегал на водку и предавался благостным воспоминаниям о былых пьянках и сопутствующих им приключениях, Дима безуспешно пытался ознакомить приятелей с очередной, свежепридуманной хохмой.

– Вот спорим, я твои шнурки от ботинок... съем! За тридцать секунд. Оба. Спорим? – приставал он к тезке-Одинцову.

– Ищи дураков, – не поддавался на провокации тот. И назидательно говорил Залуцкому:

– Никогда с Немцем не спорь! Ни о чем и ни на что! Я раз в кафешке поспорил на пиво, что он мне все пуговицы на штанах за минуту отпорет и пришьет – он пиво проставил и ушел. А я как мудака последний потом домой шел, за ширинку держась – у него и нитки-то с иглой при себе не было!

Дима хихикал воспоминаниям о давнишней хохме и грозился подложить «подарочек» в стол к сучке-Синявской, Серега торжественно клялся, что в жизни ни на какие пари с Немчиновым не подпишется, а Одинцов вдруг решил, что показавшая дно литровка настоятельно требует добавки – и полез в какой-то тайник, где держал записку медицинского спирта...

...Слабо донесшийся из соседнего помещения звук, в котором слились воедино звон упавшего стекла и сырой шлепок – этот звук никто из троих не услышал...

Последний шанс остановить Большой кошмар был упущен.

31 марта, 03.12, там же.

Проснулся Одинцов от дикой жажды. И от боли в затекшем и скрюченном теле – валялся в позе эмбриона на коротеньком диванчике в лаборантской. Свет не выключен, на столе бутылки, стаканы, остатки закуски. Приятелей не вид-

но – смутно вспомнилось, что вроде провожал их до выхода... Или только до лестницы? Да какая разница, не маленькие, доберутся...

Казалось, напильник языка сейчас до мяса раздерет наждачно-шершавое нёбо – Одинцов заставил себя встать и отправиться на поиски спасительной влаги. Лучше всего, конечно, помогла бы сейчас бутылочка холодного светлого пива, но по беде сойдет и обычная вода из-под крана... И он, пошатываясь, побрел к ближайшему крану...

31 марта, 03.23, там же

Ну хохмач, подумал Одинцов злобно. Литру проставили, большую часть сами выжрали, а мне тут за вашими хохмами прибираться?

Наискось через всю лабораторию тянулся липкий слизистый след. Пять минут назад, ковыляя к раковине, Одинцов переступил его, просто не заметив. Но теперь полегчало – желудок всосал огромное количество воды и тут же изверг обратно вместе с не успевшим уйти в кровь спиртным и жалкими остатками закуски. Спазмы были болезненными, зато голова немного прояснилась, в движения вернулась некоторая уверенность, а предметы перестали расплываться перед глазами. И тут же он увидел след от немчиновской хохмы. От новой хохмы – Одинцов прекрасно помнил, что следы от использованных на съемках амеб он вытер еще до начала гу-

лянки.

Ну Немец, ну жучара... Собирался, значит, пугалку какой-то сучке подложить. А тут с пьяных глаз решил потренироваться... А кто крайним окажется? Да я и окажусь... Найдет Василий Никитич утром в понедельник под столом такую гадость – и прощай непыльная работа. Ну точно, не смогли они уйти так просто, не наигрались в свои бирюльки – вон бак валяется на боку, пустой – надо понимать, вернулись потихоньку и решили еще пошутить маленько...

Он двинулся по следу. Поблескивающая дорожка постепенно расширялась, а потом... ну козел Немец! – а потом Одинцов увидел серый бетон пола, кое-где просвечивающий сквозь разъеденные пластиковые квадраты. Еще несколько шагов – и пластика под слоем слизи вообще не оказалось, а сама дорожка уперлась в оббитую жестью дверь – за ней, знал Одинцов, не то большая каптерка, не то кладовая, сверху донизу забитая всякой деревянной рухлядью, в основном притащенной со всего НПО старой и ломаной мебелью. Там же громоздился в углу штабель мешков с давно просроченными питательными средами. А еще из-за двери доносилось совершенно неуместное журчание.

Там где-то была раковина с краном, в самом дальнем углу, подумал Одинцов. От мысли, что пьяные хохмы Немца еще не закончились, ему стало зябко. Не задумываясь, как зловредный хохмач смог добраться до крана сквозь непроходимые деревянные завалы, как вообще смог проникнуть за

запертую дверь, Одинцов машинально потянул за дверную ручку.

Дверь легко и совершенно неожиданно распахнулась. Собственно, ее как таковой и не было, то есть отсутствовала сама деревянная панель – и видимость двери составлял лишь жестяной лист, которым дверь была обшита. Замок звякнул об пол. Ломаной мебели Одинцов не увидел – *убивать надо за такие мудацкие шутки!* – перед ним стояла высокая, метра два, студенистая и подрагивающая, полупрозрачная стена желе. Внешним контуром она точно повторяла жестяную оболочку двери – присутствовали даже выемки от дверной ручки и выпавшего замка. *Козел...*

Трепещущая стенка оставалась в неподвижности секунды две-три. А потом обрушилась, подмяв Одинцова. Последней его мыслью было: *Сука!!! Морду набью, шутник хре-е-э-э-о-о...*

31 марта, 13.25, 33 отдел милиции

– Медуза-а-а!!! Помоги-и-и-те!!! Здоровенна-я-я-я!!! Во весь коридор!!! Ноги ж... а-а-а-а! Скорей!!! Медуза... медуза... О-о-у-а-а! Скорее-е-е-е-ей!!!!!!

Рвущиеся из трубки звуки сверлили барабанные перепонки, и после второго вопля Летунов переключил звонок на громкую – пусть случайно заскочивший в воскресенье дознаватель Егоршин тоже послушает. Но потом что-то в кри-

ках ему не понравилось, и он неуверенно спросил коллегу:
– Может, психушку вызовем? А то замочит кого-нибудь с такой белки-то...

Дознаватель ответил сурово:

– Ну его в ...у, пусть соседи вызывают. Не наше дело... –
Егоршин очень не любил алкоголиков.

Но Летунов уже решил по-своему.

– Адрес, адрес скажи!!! – орал он, переключив разговор
обратно на трубку, – адрес скажи, сейчас выезжаем...

Трубка коротко запиликала.

– Каждый выходной так звонят... – пожаловался Летунов. – По шесть-семь раз... Как с утра начнут лимонить...
Прошлый раз просили убрать со своего балкона грузовик, ЗИЛ, – дескать, свалился сверху, все банки с огурцами передавил...

– Уроды... – меланхолично подтвердил дознаватель.

31 марта, 13.25, здание НПО «Гранат», коридор второго этажа

Сидорук – пожилой, одышливый охранник – кричал и кричал в трубку, сползая по стене – хотя желеобразная масса уже покрыла его ноги до колен.

Нет, не так! – там, где положено быть коленям, сквозь туманно-прозрачное желе виднелись большие и мутные кровавые кляксы – густые в середине и все более прозрачные

к краям. Из алых кляксы быстро превращались в розовые, а из розовых – все в ту же студенистую желтоватую массу, выплеснувшуюся в коридор и перекрывшую его от стены до стены. А ниже колен ничего не было. Вообще ничего. Боли тоже не было, и Сидорук кричал еще долго – но на другом конце линии его не слышали – желтый студень добрался до провода, пластиковая изоляция исчезла мгновенно, медные жилы блеснули и медленно поплыли к полу сквозь густой бульон, выпав из превратившейся в ничто пластмассовой розетки...

31 марта, 15.02, здание НПО «Гранат», офис АКБ «СевЗапРегионБанк»

За Мариной Михайловной (или, как ее чаще звали – за Михаловной) никто и никогда не замечал скрытых богатств интеллекта. Да и то сказать: разве работают интеллектуальные дамы пятидесяти семи лет на малопочтенной должности уборщицы? Даже в весьма уважаемом и респектабельном банке? Конечно, не работают. Еще меньше могли окружающие заподозрить Михаловну в способности адекватно реагировать на самые экстремальные ситуации. Смешно даже: какие еще экстремальные ситуации в жизни банковской уборщицы? Разве что ведро с грязной водой опрокинет на брюки вице-президента банка...

...Михаловна была четвертым, включая лаборанта Один-

цова, человеком, столкнувшимся лицом к лицу (верней, лицом к мутной гладкой поверхности) с Большим Первоапрельским Кошмаром. И первым, не допустившим при этом роковых для себя ошибок.

Для начала, она не стала трогать подозрительную грудку желе руками, как это сделал час назад дежурный электрик (тот решил выяснить, отчего вылетают и обесточиваются одна за одной проходящие по второму этажу линии электропроводки) – нет, Михаловна осторожно ткнула в высящийся и колыхающийся в коридоре студень ручкой швабры.

От небрежливого электрика теперь осталась лишь разная металлическая мелочь, валяющаяся под раскрытой дверцей электрощитка и смутно угадываемая сквозь слой слизи: монетки, связка ключей, металлические детали зажигалки, обручальное кольцо и несколько пуговиц.

Михаловна же, увидев, как ушедшая в глубину желе палка распалась на продольные волокна, тающие и растворяющиеся, – Михаловна мгновенно свернула эксперименты по изучению неизвестной субстанции и буквально влетела в небольшой уютный операционный зал СЗРБ – куда, собственно, и направлялась с ведром и шваброй в видах еженедельной генеральной уборки...

Звонить «02», или «01», или «03» она не стала (да и что могла сказать Михаловна абонентам этих номеров?) – подбежала к стойке, глубоко просунула руку в полукруглое окошечко, цепко ухватила и перетащила к себе телефонный ап-

парат со стола операционистки. Ничего не набирала – просто нажала неприметную среди других клавишу на панели. Выкрикнула всего три слова после почти мгновенного соединения: «Пулковский филиал!! Скорее!!!». Швырнула трубку и бросилась бежать – как раз вовремя, чтобы рискованным прыжком перескочить через ввалившийся в оперзал длинный колыхающийся язык студня...

И только сбегая по аварийной лестнице к запасному выходу, Михаловна завопила наконец во весь голос.

31 марта, 16.27, редакция «Царскосельского листка»

– Ну как, старичок, головка не бо-бо? – судя по голосу в трубке, у самого Залуцкого ничего не «бо-бо»; матерый телевизионный волк, сколько вчера не выпито, должен быть как всепогодный истребитель – постоянно готов к вылету на задание.

– В порядке головка, – мрачно откликнулся Дима. – И голова тоже.

Не соврал, вчера налегал на это дело в основном Одинец, у Димы больше было куражу в голове, чем реальных градусов в крови. Залуцкий коротко хохотнул, затем сразу посерьезнел:

– У нас с тобой проблемка, старик. Ни хрена лазер ваш не получился – луча совсем не видно. Почти все смонтировано,

голос Юльки наложили – смотрится все вместе неплохо, но луча нет как нет. А это вся завязка сюжета. Короче, надо доснять буквально секунд тридцать...

– По-моему, Сергуня, это у тебя проблема... – осторожно предположил Дима.

– Не-е-ет, старик – у нас. Это ты по договору обещал всю технику обеспечить... Но ты не дрейфь, есть идея! Я у племяшки лазерную указку позаимствовал – знаешь, продаются как сувениры? Попробовали снять – отличный луч, жирный такой... Примастрячим к вашему лазеру снаружи, скотчем, с тыльной стороны – и всех делов. Вот только тезке твоему дозвониться не могу с утра, не иначе отсыпается конкретно...

Дима понял, что Залуцкий взялся за дело всерьез и так просто от него не отвертишься. И спросил понуро:

– От меня-то что надо?

– Ну, я тебе на голову не сажусь и не погоняю... Но за леску тебе подергать придется. Закругляйся там со своим севом разумного, доброго, вечного и садись в электричку. Без четверти семь мы тебя на Купчино подберем и сразу к Одинцову, на этот раз без всяких посиделок – мне еще тот кусок вмонтировать надо. Успеваешь?

Дима посмотрел в угол, где занимался подготовкой к встрече Дня Дураков в редакции (особо радостным будет праздник для сучки-Синявской, недаром он тащил тяжелую сумку обратно из «Граната»), прикинул время на охлаждение варева и сказал:

– Успеваю.

31 марта, 18.21, здание НПО «Гранат», второй этаж

Пластиковое покрытие пола и стен исчезало со скоростью кусочка сахара, брошенного в горячий чай.

Заодно исчезали деревянные плинтуса и двери – тогда наползающий слизистый вал приостанавливался, выбрасывая метастазы в открывшиеся боковые помещения. Судя по всему, там пищи (или строительного материала?) было куда больше, чем в коридоре. Тусклое аварийное освещение добавляло сюрреализма.

– Блядюга хренова... – выдохнул старший лейтенант Дерин, известный среди коллег под прозвищем Минотавр.

Кравец (он же Муха) отщелкнул опустевший магазин и в сердцах швырнул в медленно, но неумолимо наползающее желе. Магазин шлепнулся на заколыхавшуюся поверхность – она тут же пропустила чужеродное и несъедобное тело. Видно было, как магазин медленно исчезает из виду, опускаясь, проваливаясь в желто-мутную глубину. Точно так же полупрозрачная гадость пропускала пули, немедленно смыкаясь за ними. Кравец это уже хорошо понял и расстрелял последнюю обойму исключительно из бессильной ненависти.

– Попробуй еще раз из подствольника, – скомандовал Дерин. – Не сейчас, попозже, когда за угол завернет – чтобы

стенка за ней оказалась.

Муха оглянулся – угол был совсем рядом. Они отступали по длинному и запутанному коридору от не то ползущей, не то медленно текущей на них массы и понятия не имели, как еще попробовать ее остановить. Близко не подходили, оставаясь на безопасной дистанции метров в шесть-семь – чертов студень порой замедлял движение, рос вверх, как будто его сдерживала невидимая плотина – а потом резко обрушивался, словно плотину убирали, и мгновенно покрывал мутной колышущейся волной несколько метров пола. За это чисто эмпирическое знание отряд «Торнадо» заплатил сегодня жизнями троих бойцов.

(Или, говоря совсем уж официально, отряд специального назначения «Торнадо» при Главном управлении исполнения наказаний (ГУИН) Министерства юстиции Российской Федерации. Какое отношение имеет юстиция вообще и ГУИН в частности к разбушевававшемуся желе, неизвестно. Такое в уставные задачи никакой спецслужбы не входит. «Торнадо» оказалось под рукой – их и послали.)

– Вверх пошла, сейчас прыгнет! – Дерин упорно называл это в женском роде и относился как к разумному и смертельно опасному существу.

Желе добралось до очередного пожарного гидранта. Красный деревянный ящик и сплюснутый матерчатый шланг исчезли очень быстро, резиновая прокладка в кране сопротивлялась чуть дольше, потом вода пошла – и Минотавр готов

был поклясться, что по всей гигантской массе, вплоть до самой дальней части, видимой в конце коридора, волной прокатилась радостная дрожь. Передний фронт быстро набухал вверх, дойдя почти до потолка – а потолки здесь, на втором этаже, были метра четыре, не ниже. Они завернули за угол и торопливо отбежали подальше, Кравец (маленький, юркий, опасный) встал на одно колено и приготовил гранатомет-подствольник. На «Никонове» Дерина этого полезного приспособления не было, он вжался боком в дверную нишу, выставил ствол вперед, прикрывая – рефлекс чистой воды, совершенно сейчас не нужный.

Из разнобоя голосов в коробочке рации, болтавшейся на груди Минотавра, можно было сделать вывод, что у остальных разрозненных двоек и троек дела не лучше – так же отступают перед тупым и бессмысленным напором по коридорам и лестницам, не найдя действенных способов борьбы. Две группы, очутившиеся в тупиках-ловушках, были эвакуированы через окна. Еще одна не откликнулась, и Дерин от души надеялся, что эта гнусь загнала парней в дебри металлических конструкций технического подэтажа, экранизирующих любые радиоволны... Прочесывание верхних этажей и эвакуация немногих найденных людей завершилась минут двадцать назад...

Наконец-то! Слегка запоздавший против их расчетов вал высунулся из-за угла. Муха подождал, пока в их изгибе коридора скопится достаточно *этого* – и выстрелил. Эффект

был мизерный. Взрыв расшвырял во все стороны ошметки проклятого пудинга – и только. Отброшенные части шлепались с потолка, сползали гигантскими тягучими соплями со стен и сливались с основной массой, бесследно в ней растворяясь.

– Гнида-а!!! – завопил Кравец и завертелся как уж, политый скипидаром.

Дерин сначала ничего не понял, потом увидел – на разгрузке напарника быстро расплзлась неровная дыра, прочный серый камуфляж испарялся, как снежинка на ладони, демонстрируя всем окружающим в лице Дерина содержимое карманов запасливого Мухи. Тот выпрастался из разгрузки почти мгновенно, побив все существующие в этом деле нормативы, отшвырнул подальше и обалдело протянул:

– Вот гнида... Ведь с орешек всего капля долетела...

– Отходим! – рявкнул Минотавр. – Аккуратно! Под ноги смотри, могут еще валяться!

Отходили осторожно, словно пол был усеян невидимыми глазу растяжками. Студень полз как ни в чем ни бывало.

– Огнеметы нужны, – злобно предложил Муха, очень жалевший о новенькой разгрузке и ее содержимом. – Выжечь на хер...

– Не выйдет, эта гадина на три четверти из воды... Видел, что с фосфорной гранатой было?

– Тогда направленным взрывом. Вода там или... да, кумуляшка все испарит... – Кравец, похоже, серьезно настроился

поквитаться с тварью.

– Все восемнадцать этажей рухнут, – выдвинул последний довод Дерин. Похоже, не Мухе первому пришла в голову идея взрыва – в треске рации все чаще различалось слово «заряды».

– Не рухнут. Первый и второй этажи гораздо шире... опорные в стороне... боковые стенки только вынесет... ну, давай, свяжись с майором, ползет ведь, ползет, проклятая...

Кравец знал толк во взрывах, сказал – значит не рухнет, и все равно что-то в его идее было не так, что-то он упустил важное, чего-то не учел, но Дерин так и не успел понять и сообразить – чего. Нажал кнопку вызова:

– Клещ, Клещ, я Минотавр...

31 марта, 18.59, пересечение улицы Орджоникидзе и проспекта Гагарина

Едва свернули на Орджоникидзе, пришлось остановиться. Улицу перекрывали два поставленных поперек грузовика, за ними мерцала синюшная милицейская мигалка и вообще что-то такое происходило совсем непонятное, в разрываемой вспышками фонарей темноте было не разобрать.

– Авария, – зло процедил Залуцкий. – Жми с тылу, через Московскую площадь.

Гера послушно вывернул руль.

С другой стороны движение упиралось в пластиковые, за-

полненные водой барьеры и гибедешник яростно махал полосатой палкой: «В объезд, в объезд!»

– Черт! Что там у них стряслось?! Пошли пешком, дворами...

Пешком дворами они продвинулись тоже не слишком далеко. Путь преградила полосатая лента, растянутая на временных опорах – и уже бежали вдоль нее два лба в камуфляже и бронеках, со злыми напряженными лицами:

– Назад!! Назад, мать твою! Оцепление!

Дима потянул за рукав Залуцкого, тыкавшего под нос омовцу камеру, качавшего права насчет свободы прессы и чуть не схлопотавшего по почкам:

– Пошли, пошли, – и зашептал жарко в ухо: – Есть тут лазейка, Одинец показывал. Прорвемся!

31 марта, 19.17, там же

Казавшаяся целой и прочной металлическая сетка ограды в известном Диме месте приподнялась, открыв узкий лаз. Они с Серегой поднырнули легко, а Гера застрял со своими громоздкими причиндалами.

– Догоняй, как пролезешь! – бросил Залуцкий через плечо, не оборачиваясь. Похоже, съемка недостающих кадров волновала его сейчас гораздо меньше, чем творившееся у «Граната» столпотворение. – Куда теперь? Веди, Сусанин...

Низко пригибаясь, они пересекли автостоянку – на вид

этот путь вел в сторону, совершенно противоположную нужной им; протиснулись в еще одну дырку (Залуцкий безбожно матерился, располосовав рукав новой кожаной куртки); свернули в казавшийся глухим тупик – в конце этого аппендикса стояли ящики, заботливо приставленные лесенкой к бетонному забору – перевалили и эту преграду; и, выскочив с глухих задов Южного рынка, оказались совсем рядом с «Гранатом», проскочив и внешнее, и внутреннее кольца оцепления.

– Классно, старик! – голос Залуцкого даже дрожал от восхищения – не талантами Димы-Сусанина, но открывшимся им у «Граната» зрелищем.

Внутри серой громады здания творилось нечто непонятное, но захватывающее: с треском что-то рушилось, порой вылетали оконные стекла – вылетали тихо, без бьющегося звона, словно мягко выдавленные изнутри – падали и только внизу взрывались ливнем осколков; кое-где мерцали яркие вспышки и слышался характерный треск коротких замыканий; из одного окна жидко тянуло удушливым дымом. Главным средоточием всех непонятностей казался огромный периметр второго этажа. Третий этаж занимал гораздо меньшую площадь (здание напоминало высокую башню, с силой воткнутую в широкое двухэтажное основание) – и там, на третьем этаже, такое творилось только с одной стороны.

– Что это? – вопрос Димы звучал чисто риторически, он и сам не ждал ответа.

На пожар не похоже, хотя пожарных машин вокруг хватает – лестницы вытянуты к окнам, по ним торопливыми муравьями ползут фигурки людей – и все вниз, только вниз... Бах! бах! Бах-бах-бах-бах! – стреляют в здании? террористы? Дима не знал, что и думать, растерянно присел, скорчился у бетонного бордюра циклопической клумбы, подавленный и оглушенный. Он не любил и боялся слишком масштабных событий.

Залуцкий решил и побежал, на ходу доставая журналистское удостоверение, в сторону главного входа – туда, где в безопасном отдалении от здания виднелось самое большое скопление людей и машин. Дима остался.

31 марта, 19.32, там же

Радиоуправляемые заряды сработали синхронно – накрывшее большую часть из них желе сигнал не экранировало. «Гранат» словно превратился в старинный парусный линейный корабль, давший залп всем бортом: из ровного ряда окон рванулись наружу бешеные вулканы, громада башни содрогнулась от основания, от самых глубоких подвалов, – и до венчающей крышу огромной антенны. Стены выдержали. На ходу, впопыхах, экспромтом, но минировали мастера своего дела...

...Обломки металла, стекла и бетона, избыточно летевшие из оконных проемов, Диму не задели. Не долетели – глав-

ная ударная волна была направлена внутрь. До него долетело другое...

– Ну и приколы... – ошалело пробормотал он. – Мой тазик...

Ударившийся с чавкающим шлепком о покрытый прошлогодней мокрой травой газон в шаге от Димы изрядный кусок этого медленно принимал свою естественную форму, не искаженную сейчас сжимающими и давящими со всех сторон бетонными стенами. И она повторяла Димин тазик – даже с характерной круглой вмятиной наверху, оставленной при отливе слегка выпирающим дном... Потянувшееся из здания вслед за взрывом пламя достаточно освещало окрестности, чтобы никаких сомнений не осталось – перед Димой точная копия клеток-мутантов, скользивших вчера по полу лаборатории вслед за рыболовной леской – дубликат, увеличенный в три с лишним раза по каждому измерению.

Оттуда, куда убежал Залуцкий, от штаба и центра всей операции, совершенно неожиданно донеслась беспорядочная пальба, и, что было еще неожиданней, – истошные, дикие вопли. Дима не повернул головы, глядя как подрагивающий и колыхающийся холмик медленно приближается к нему, оставляя за собой покрытую слизью полосу черной земли – словно кто-то невидимый за спиной Димы тянет это на леске...

– Ну, бля, и приколы... – казалось, все другие слова он позабыл. Ровный круглый край медузы коснулся ранта его бо-

тинка.

– Ну, бля, и... – он твердил и твердил, как заведенный, эту дурную фразу, когда увидел, нагнувшись и напряженно вглядываясь в желтую муть, – увидел вместо исчезнувшей кожи ботинка и мелькнувшего на мгновение грязного носка собственные пальцы – трупно-белые, искаженные мутью, с неровно обстриженными ногтями. Он даже пошевелил ими, удивляясь, что не ощущает ничего: ни тепла, ни холода, ни липкой влаги. И только потом, когда внутри студня развеялась непонятно откуда взявшаяся муть и он разглядел белые костяшки фаланг, продолжающие начатое шевеление – только тогда Дима закричал. Крик был высоким, пронзительным, терзающим уши – и долгим, очень долгим.

Никто не услышал – воплей вокруг хватало.

01 апреля, День Дураков, 10.20, редакция «Царскосельского листка»

Люся Синявская пришла на работу в настроении отнюдь не праздничном, совсем не подходящем для шуток и безобидных розыгрышей.

Проблемы последнее время навалились кучей, как свора лаек на стронутого с берлоги медведя. Муж, Костик, нашел какую-то фотохалтуру за городом – и несколько раз возвращался поздно, приносил деньги – а заодно и запах недешевого алкоголя, который, однако, не мог до конца перебить тон-

кий аромат женской косметики... Единственная дочь от первого брака не в первый раз замечена с каким-то сокурсником из нынешних, с типичным моветоном (ничего серьезного, мама, мы просто друзья!)... Родители совсем сдают, болеют все чаще – а в область, за сто сорок километров, к ним каждую неделю не поездишь... Короче, не до шуток.

Она и про праздник-то этот дурацкий вспомнила, только придя на работу и подумав про Немчинова – надо с ним что-то делать, достал окончательно.

В редакции было на удивление пустынно, она тут же поняла почему – почти все толпились у телевизора в приемной, с жаром обсуждая какую-то первоапрельскую шутку, запущенную в эфир с утра пораньше. Она глянула мельком: на экране что-то горело и рушилось, метались испуганные статисты, тархтел прямо в камеру репортер, удачно изображая крайнюю степень взволнованности. Повторяются – все прямо как в том рекламном ролике, что насчет захвативших город орехов... А вот и злобный пришелец – ползет-колышется гигантская медуза чуть меньше цирка шапито размером... Люся пошла к себе, отметив, что задумана и смонтирована хохма с размахом, куда там их штатному шуту Немчинову с его плоскими приколами...

Устроившись за столом, первым делом взялась за выдвижной ящик (зная простой и не признающий частной собственности характер коллег, все нужное для работы на виду не оставляла, прятала в стол); выдвинула – и замерла. Вот и пер-

вый привет от козла-Немчинова, но наверняка на сегодня не последний... С первым апреля!

Вместо исписанных и чистых блокнотов, стакана с ручками и карандашами, коробки с дискетами, степлера и кучи других необходимых мелочей на дне глубокого ящика красовалось нечто вроде пудинга гнусно-несъедобного вида. Нечто колыхалось и подергивалось, как живое – но это, конечно, затухали в студенистой массе колебания от резко выдвинутого ящика. С чего ему, в самом деле, еще дергаться?

«...», он и в Африке ...», – нецензурно подумала про Диму разъяренная Синявская. Еще и все дно, гаденыш, какой-то слизью заляпал...

Люся обернула руку чистым платком и брезгливо протянула к продолжающей колыхаться массе.

31 октября, 17.38 (по Гринвичу). Орбита

– Стен, ты не читал, часом, фантастический роман одного поляка? Про разумный студенистый океан Соляриса?

Стенли Ковальчук, командир смешанного экипажа, долго молчал.

Но ответил:

– Какого поляка? У нас их много писало... Азимова? Зилазни?

Камаев махнул рукой. Какая, в самом деле разница, какого?

Бортинженер Паша Мельниченко, третий член экипажа, в разговоре не участвовал. Он замолк восемь дней назад и не сказал с тех пор ни слова. Восемь дней назад полтора десятка студенистых валов вспучили океан у берегов Флориды и обрушились на полуостров с разных направлений. Мыса Канаверал больше нет. Точнее, мыс-то присутствует, но старушка «Дискавери», призванная доставить их обратно – не стартует с него никогда. Запасная площадка на острове Уоллопс канула еще раньше – когда стало ясно, что средство профессора Каунца ничему и никому не поможет и препарат, на который извели почти весь мировой запас йода – распылен над океаном впустую... И про Байконур тоже можно не вспоминать – над степями Казахстана колышется сейчас отнюдь не ковыль.

Паша молчал. Ни на что не реагировал. Смотрел в никуда. Слабый интерес проявлял, лишь когда внизу проплывало выжженное ядерными взрывами ожерелье, окружившее по дальнему периметру несокрушимые башни под рубиновыми звездами... Под одним из эпицентров осталась родная Пашина Вязьма.

Ковальчук не хотел обсуждать варианты разумности студня. Его волновал другой вопрос:

– Все-таки интересно: это едят? Мне кажется, если проварить хорошенько...

Тема была актуальная. Вчера они опять урезали рационы. Запасов продовольствия на борту МКС оставалось на пятна-

дцать дней...

Страшноватая история (из цикла «Хроники ЛИАПа»)

1. Жилищный вопрос

Как-то раз по осени двум подружкам из нашей группы повезло просто редкостно.

Чисто случайно, через дальних родственников близкой приятельницы их соседки, предложили девушкам квартиру снять, дешевою на удивление. А они, Ольга с Людой, будучи иногородними, в общежитии лиаповском обитали, что на улице Гастелло.

Но слово «общежитие», честно говоря, к этой дыре было малоприменимо. Не знаю, как и выразиться: общепрозябание? общесуществование? обще-в-дерьме-замерзание? Велик и могуч родной язык, но единым словом *это* так сразу и не назовешь. Но не общежитие, это точно – жить в доме 15 по улице летчика-героя было невозможно.

Дом старый, после войны на скорую руку построенный пленными венграми (пленные немцы строили не в пример добротнее): зимой холодно, летом жарко, водопроводные трубы постоянно лопаются, канализация забивается, проводка перегорает. И фауна в изобилии, хоть «В мире живот-

ных» снимай – тараканы, клопы, мыши...

Вот для примера: садимся пить чай, включаем кипятильник в розетку – из розетки искры, дым; пробки – щелк! – темнота; на ощупь ставим жучка, по пальцам легкий электрошок – да будет свет!; кипятильник в другую розетку, только стал закипать – сверху пласт штукатурки – хлоп! – прямо на стол; пока эту гадость из стаканов вытрясаем, пробки – щелк! – опять темнота, возмемся подольше, электрошок посильнее, толстенный жучок поставили – да будет свет!; а по столу – шур-шур-шур – тараканы, в темноте набежавшие, от загаженного штукатуркой торта улепетывают... Попили, блин, чайку в интимной обстановке...

Проще говоря, не общага это была, а настоящая школа выживания. После нее хоть куда можно: хоть в тундру, хоть в пустыню, хоть в очередь за водкой перед ноябрьскими праздниками – ничего не страшно.

А нашим девушкам еще и соседи-парни попались такие... не очень. Как выпьют (а пили постоянно), всё весьма навязчиво познакомиться норвят поближе. Знакомства такие Олю с Людой совсем не вдохновляли, и, едва прослышав о дешево сдающейся квартире, они в тот же день созвонились с хозяином и отправились прицениться к жилплощади.

Хозяин действительно запросил недорого, но – за год вперед. Был он жгучий брюнет с пронзительными черными глазами, из кабардинцев, а по профессии – эстрадный артист, работал в Ленконцерте. Фамилия, впрочем, ничего девуш-

кам не сказала – не из знаменитых, понятное дело. По его словам, большую часть времени проводил он на гастролях, на самых дальних окраинах Союза, а когда изредка бывал в Питере – жил у гражданской жены. Потому и денег за весь год хотел, что не мог каждый месяц за ними являться.

На Люду внешность и манеры квартировладельца произвели довольно сильное впечатление, хотя по складу своего северного характера излишней впечатлительностью она не страдала. Чем-то мужественный профиль артиста напомнил ей обаятельного скрипача Паганини из популярного в то время многосерийного фильма...

А Ольга наша, предпочитавшая по жизни блондинов, была маленькая полненькая хохотушка, прыткая, как шарик для пинг-понга. Но временами на нее подозрительность нападала. Вот и сейчас: а вдруг артист – не артист, а жулик? И квартира не его, а чужая?

Но даже с Людмилой пошептаться не успела, как хозяин ее опередил. Сказал, что сдает квартиру только по договору, заверенному в жилконторе и достал бланки, а заодно и ордер на свою фамилию. Не аферист, сразу видно. Но денег на год вперед все равно у девушек не было и с большим трудом, пустив в ход все обаяние, уговорили хозяина на шесть месяцев.

Подписали договор, заплатили, получили ключи, собрали вещи, переехали. И очень радовались такой удаче.

Напрасно – квартира оказалась нехорошей.

2. Нехорошая квартирка

Так уж повелось, что студенческие гулянки и пирушки чаще всего происходили как раз на таких вот квартирах, снимаемых сокурсниками. В общаге от души не разгуляешься, там студсовет с комендантом за порядком присматривают, а на квартирах у студентов-питерцев папы с мамами стоят на страже морали и нравственности. Поэтому весть о переезде девчонок мы восприняли с большим энтузиазмом. И тут же решили новоселье от души отметить...

Это новоселье, отпразднованное на третий день вселения Люды и Ольги, было первым и единственным случаем, когда мне довелось побывать в нехорошей квартире. И сейчас я попробую описать по памяти как можно точнее эту сцену, на которой развернутся все последующие события. Значит, так:

За сорок рублей в месяц хоромы достались девушкам действительно роскошные: двухкомнатная квартира в самом центре, на Чайковского, до метро две минуты ходьбы. Дом старинный, дореволюционной постройки, потолки высоченные, комнаты просторные, в прихожей можно смело играть в большой теннис, не рискуя зацепиться ракеткой за стенку. Были эти апартаменты когда-то выгорожены от других, большей площади, что порождало единственный недостаток – подниматься в квартиру приходилось с бывшего черного хода, по узенькой лестнице без лифта. Но невысоко – второй

этаж.

Правда, в распоряжение нашим сокурсницам досталась только одна комната – в другой, запертой на два замка, было сложено хозяйское барахло. Надо понимать, что бережливый артист сволок туда всю родную обстановку своего жилища – наличествующий минимально необходимый набор потертой мебели своим уныло-казенным видом совершенно не гармонировал с лепными потолками и дубовым паркетом и, не иначе, был завезен этим Плюшкиным специально для квартирантов.

Единственными вещами, оставшимися на своем месте, были картины на стенах и громадные напольные часы с маятником и боем. В механизме часов была какая-то неисправность. Ходили они точно, хотя почему-то показывали средневропейское время (шли с двухчасовым опозданием), но вот бой включался всего раза два-три в сутки, при этом в совершенно непредсказуемые часы, отчего неожиданное и громкое пробуждение антикварного механизма сильно действовало на нервы.

А вот про картины стоит сказать подробнее.

Строго говоря, были это не картины, а всего лишь репродукции. Но очень хорошего качества и в красивых рамах темного дерева. Воспроизводили они батальные полотна неизвестного нам художника, посвященные Индейским войнам в США: плыли по озеру заполненные краснокожими каноэ, направляясь к пылающему бревенчатому форту; пы-

лила по прерии кавалерия в синей униформе на выручку к поставленным в круг фургонам с круглыми парусиновыми крышами и т.д. и т.п. Сплошной Майн Рид пополам с Фенимором Купером.

Один сюжет особо привлекал внимание: по дну неглубокой лощины во весь опор несется одинокий ковбой, а сверху, по краю, его преследуют индейцы самого свирепого вида. Причем явно догоняют – дно лощины повышается и на выезде из нее пути преследователей и жертвы наверняка пересекутся. Ковбой обернулся через плечо к погоне (и к зрителям), на лице страх, и понимание – не спастись, и отчаянное желание успеть, вырваться от неминуемой гибели... И кажется, будто полные обреченности глаза смотрят прямо на тебя, и эффект этот наблюдается с любой точки, в какой угол комнаты не отойди...

Больше ничего примечательного в той квартире не было.

Началось все вполне обыденно: девушки на стол накрывают, парни на лестнице курят; наконец, расселись, наливаем по первой, – ну, с новосельцем! – обычная, короче, вечеринка. Разве вот только Оля с Людой бледны как-то и не слишком на вид веселые. В чем дело? – да вот что-то плохо спиться на новом месте, ничего, пообвыкнем скоро...

Ну ладно, продолжаем банкет. А дело к вечеру, за окном сумерки плавно переходят в полновесную темноту; верхний свет выключен, хозяйки свечки зажигают для пущей непринужденности обстановки.

И тут за окном полыхнула странная вспышка – комната на долю секунды осветилась на редкость неприятным и неестественным светом, – все погасло – снова вспыхнуло, потом еще раз, и еще, и еще. И какой-то странный звук за окном.

Что за цветомузыка? – да вот, фонарь уличный у нас напротив окна так включается, минуты две, пока не прогреется. Смотрим – на самом деле фонарь, как раз на уровне окна, и совсем рядом – тротуары на Чайковского неширокие. Потрескивает лампочка Ильича, помигивает. Но через минуту-другую, действительно, загорелась как положено.

Но что самое противное, светил фонарь не уютным желтым светом, а тем самым, кем-то по недоразумению названным дневным, – ядовито-белым с синеватым этаким оттенком. Впрочем, зимой снег и иней при таком освещении смотрятся весьма красиво. Чего нельзя было сказать про лица собравшихся, которые вдруг стали напоминать отрицательных персонажей известного фильма «Ночь живых покойников».

Но что делать, передвинули слегка занавески, чтоб совсем уж в глаза не светило (кстати, при потолках четыре с лишним метра шторы раздернуть-задернуть та еще проблема) – сидим, новоселье празднуем.

Только вот замечаем, что не празднуется как-то.

Совсем настроя нет. Пьем – не пьется, разговоры гаснут быстро, включили музыку – не танцуется. Абсолютно то есть не весело. А вовсе даже наоборот: грустно, тошно и уйти побыстрее хочется. И сломалась вечеринка – посидели, поси-

дели да и разошлись. У кого дела вдруг вспомнились, кого родители ждут пораньше как раз сегодня; в общем, через час никого из гостей в квартире не осталось, даже запасы спиртного не допили – случай для студенческих гулянок небывалый.

А Ольга с Людой остались; прибрали со стола и вскоре спать легли.

Лежат – не спится; дом старый, звуки ночью раздаются самые загадочные и неприятные. Вот на кухне скрип какой-то – ну полное впечатление, что открыли дверцу буфета, заглянули внутрь, снова закрыли. А затем заскрипел паркет – кто-то медленными шагами приближался к Ольгиной кровати: сделает шаг, постоит, еще шаг, опять постоит... Она резко повернулась – никого, конечно, в сочащемся из окна бледном свете не увидела...

Людмилу тем временем изводил пристальный взгляд ковбоя. По капризу законного освещения на картине был виден только он один, индейцы утонули в густой тени. Хотя, вполне может быть, струсившие команчи заворотили коней – вид у их жертвы был самый вампирский. И глаза неотрывно смотрели прямо на Люду; она упорно отворачивалась к стене, но снова и снова обнаруживала себя лежащей на правом боку и встретившейся глазами с ночным всадником...

Уснули девушки опять с огромным трудом и очень поздно.

...Ольга проснулась рано, за окнами едва брезжило. Она,

впрочем, этого не видела – не разлепляя глаз, попыталась принять сидячее положение и сунуть ноги в шлепанцы – вчерашняя вечеринка настоятельно советовала совершить недалекую прогулку. Но она только попыталась, абсолютно безуспешно. И почувствовала, что на ней кто-то сидит. Именно сидит, седалище неизвестного наездника удобно устроилось на грудной клетке Ольги, серьезно затруднив дыхание, ноги плотно охватили бока, прижав к ним и лишив подвижности руки. И почему-то она была уверена, что это не Людмила, не склонна была ее соседка к таким шуткам.

Не открывая глаз, Ольга попыталась крикнуть, позвать на помощь. Но не смогла издать ни звука, совершенно вдруг онемев. Хотя подруга ей ничем уже помочь не могла...

И Оля рискнула медленно, очень медленно открыть глаза. Неизвестно, что она опасалась увидеть, но действительность оказалась еще хуже. На ней никто не сидел. Только были видны четкие вмятины на одеяле, повторяющие контуры этого и никуда не делась сковывающая руки и грудь тяжесть... Ольга снова торопливо и крепко зажмурилась...

...Людмила проснулась гораздо раньше, разбуженная заунывным боем часов. И опять не могла уснуть, лежала с открытыми глазами, старательно отводя взгляд от пронзительного взора ковбоя.

Вдруг заметила нечто, лежащее в ногах ее кровати – что-то там такое виднелось, гораздо более темное, чем тени от складок ее одеяла.

Люда приподнялась, всмотрелась и ей очень захотелось встать и нанести подруге телесные повреждения средней, как минимум, тяжести. Это же надо, нервы и так ни к черту – так додумалась натянуть свой парик на стеклянную банку и засунуть Людмиле в постель, так и зайкой стать недолго...

Она села и потянулась к дурацкой пугалке, с намерением запулить ею в шутницу. Уже коснувшись рукой, успела удивиться – волосы были мягкие, шелковистые, совсем не похожие на старый парик, валяющийся без дела у Ольги. Она сдвинула прядь в сторону и увидела лицо трупного цвета.

Это была голова.

Голова хозяина квартиры, так похожего на Паганини.

Люда даже не успела отдернуть руку, как глаза головы открылись – мутные белки без зрачков. Людмила первый раз в жизни потеряла сознание.

А ведь она не была сентиментальной барышней прошлого века, которой по определению полагалось по любому поводу и без повода падать в обмороки. Наша Людмила родилась и выросла на севере Архангельской области, в климате и условиях, сантиментам не способствующих; высокая, крепкая девушка, первый разряд по лыжам – какие там обмороки, головной боли с бессонницей сроду не было...

3. Материализм и эмпириокритицизм

На следующее утро девушки сидели в общежитии, в сво-

ей комнате (по счастью, не успели вывезти все вещи и сдать помещение). Приехали рано, как только заработало метро. Первым делом решили тут же позвонить хозяину и отказаться от бесовской квартиры.

Но открыли договор и передумали – съехать они могли в любой момент, но весь аванс при таком повороте событий оставался у арендодателя. И вот теперь, полтора часа спустя, рассказывали свои жутковатые приключения собравшимся подругам и приятелям (не однокурсникам, а соседям по общаге, на новоселье не ходившим).

Сейчас, когда в окно светило утреннее солнце и вокруг звучали веселые шумы просыпающейся общаги – рассказы их звучали малоубедительно. Ну паркет скрипит, часы бьют – эка невидаль; картина на стене – тоже ничего особенно; голова на кровати привиделась – так порой и пострашнее сны снятся.

Поднять на смех беглянок мешал только их внешний вид. Выглядели они кошмарно.

Надо сказать, что собрались в комнате сплошь атеисты и материалисты. Единственной, кто высказал робкое предположение пригласить батюшку и освятить нехорошую квартиру, была наша Катюша. У нее бабушка была глубоко верующая, вроде даже из старообрядцев; родители решительно порвали с религиозным дурманом ради строительства светлого будущего; а Катя, в полном соответствии с марксистским законом отрицания отрицания, все сильнее интересовалась

вопросами веры. Что, однако, не мешало ей бойко сдавать экзамены по диалектическому материализму.

Остальные же успокаивали Ольгу с Людой исключительно с позиций научного атеизма. Особенно старался Андрюша Кашеев (как ни странно, никто и никогда не звал его вроде напрашивающимся прозвищем Кашей – наверно, потому, что парень он был не вредный и очень дружелюбный).

Андрей недавно прочитал брошюрку о гепатогенных зонах и горячо уверял девушек – достаточно передвинуть кровати на другие места и квартира тут же станет вполне пригодной для обитания. Заодно он вполне логично объяснял, отчего по ночам так скрипит паркет: дерево старое, сухое, гигроскопичное, за лето впитало немного влаги; а сейчас отопительный сезон начался, высыхает и чуть-чуть коробится, поскрипывает; через месяц окончательно высохнет и замолкнет.

Девушки уныло кивали и глаза у них были как у затравленных волчьей стаей оленей...

А Ирина все допытывалась у Ольги: как же она освободилась от невидимого наездника? Та отвечала довольно сумбурно: мол, лежала, глаза боялась от страха открыть, да так и задремала. Вот видишь, ласково утешала Иришка-атеистка, все это точно так же легко могло быть сном... Могло, обреченно соглашалась Ольга.

Интересную гипотезу выдвинула еще одна их подруга, тоже Ольга (чтоб не путаться, назовем ее Ольга-вторая): хо-

зьяин квартиры был не просто артист, а эстрадный гипнотизер высокого класса. Далеко он не уехал, жил поблизости; и, чтоб не потерять форму, тренировался на своих постоялицах...

Мысль любопытная, но с душком мистицизма. Большинство дало Ольге-второй дружный отпор – где вы слышали о гипнозе, пробивающемся через толстые стены старого кирпича?

Но в одном эта четверка сошлась единогласно: вид у Ольги с Людой – краше в Скворцова-Степанова кладут и на Пряжку увозят. И надо с ними на квартиру съездить и дать решительный комсомольский отпор проискам псевдо-нечистой силы.

Так и поехали вшестером, в тот же день, после занятий. Арсенал для схватки с потусторонним был у них слабоват: Катя взяла небольшую иконку, тайком от родителей сунутую в ее чемодан бабушкой («Св. Параскева-великомученица», если не ошибаюсь); Андрюшка прихватил ту самую книжонку о геопатогенных зонах.

Приехали, зашли. Вроде все спокойно, тихо, мирно. А вы подождите, вот вечер начнется – это их подружки предупреждают, а в глазах блеск странный. Страшно им, и уйти хочется, но еще сильнее желание показать что-нибудь *такое*, пообщаться с друзей спесь атеистическую...

Сидят, ждут. Попутно остатки вчерашнего пиршества доедают-допивают. Катюха гвоздик нашла, икону повесила над

Людкиной кроватью; висит Параскева-мученица, с ковбоем в гляделки играет.

Андрюша, время чтоб не терять, снял у Ирки с пальца колечко, на длинную нитку привязал – ходит по комнате, на амплитуду колебаний смотрит, зоны нехорошие вымеряет. Все по книжке, не хухры-мухры – наука! Но или камешек-аме-тистик какую помеху выдал (книжка чистое золото советова-вала, но обручальных под рукой не оказалось), или комната вся была одной большой дурной зоной, но ничего он так и не намерял.

Тогда предложил паркет послушать – где скрипит. Если, говорит, в нужные места клинышки из спичек вставить, то замолкнет. Замолчали, затаили дыхание, сидят, прислуши-ваются. Вдруг в напряженной тишине – звонок. Телефон-ный. Громкий. Все аж подпрыгнули.

Люда к аппарату. А это хозяин звонит. Как освоились, все ли нормально? Ну что тут сказать? Спросить, не вашу ли тут я голову поутру в своей постели отыскала? Нормально, от-вечает, все. Просто замечательно, чего и вам желаем. Пого-ворили.

Сидят, дальше ждут. И постепенно, чем ближе вечер, на-чинает наблюдаться та же картина, что и на давешнем ново-селье. Только тут еще и публика предшествующими разго-ворами до предела взвинчена.

Все тогдашние атеисты-материалисты, если вдуматься, очень похожи были на большинство теперешних верующих.

Тех, которые сейчас крестятся-венчаются-причащаются-исповедуются, а чуть копнешь – ни в бога, ни в черта не верят. И тогда тоже каких только суеверий не скрывалось под вызубренными пятерками по диамату (поднимите руку, кто действительно понимал диалектический материализм).

А обстановка все нагнетается и нагнетается. Знаете, как бывает в фильмах Хичкока – вроде ничего и не происходит, а нервы так напряжены, что любой резкий звук или движение могут зайкой на всю жизнь оставить.

Помрачнели, примолкли, разговоры не клеятся, сидят как на иголках. И нарастает неотвязное желание уйти как можно скорее, иначе точно случится нечто ужасное. Непонятно что – но что-то жуткое. Андрюшка храбриться перестал, с подоконника пересел на кровать, к остальным поближе; Катька тихонько молитву шепчет, и от этих звуков другие еще нервознее становятся.

Как ни странно, но Ольга с Людой держатся как-то даже лучше. Бледные сидят, но на прочих с ноткой некоего торжества поглядывают: ну как настроение, какие впечатления? И свет специально включать не торопятся.

Ну а когда фонарь заморгал, и ночные звуки потихоньку прорезаться стали – тут атеисты и не выдержали растущего напряжения. Как-то молча, не сговариваясь, собрались и уехали. И всю дорогу до общежития так и молчали, все шестеро. Не о чем было разговаривать.

4. Дрын: восставший из ада

Дрын – это прозвище. Возможно, когда-то образованное от фамилии, которую теперь уже никто не помнил, оно удивительно подходило этому высокому, нескладному и флегматичному парню. Дрын принадлежал к породе вечных студентов и давно уже стал достопримечательностью липовской общаги. Поступил этот реликтовый гуманоид в ЛИАП не то восемь, не то девять лет назад – трижды его отчисляли, дважды он восстанавливался, но все эти годы умудрялся квартировать в институтском общежитии, несмотря на многократные попытки трех сменившихся за этот срок комендантов его выселить.

Назвав Дрына флегматиком, я ему немного польстил. Если, например, вкатить гигантской галапагосской черепахе слоновью дозу реланиума или еще чего-либо тормозящего и расслабляющего – то и тогда она, черепаха, будет выглядеть на фоне Дрына резвухой-хохотухой.

По общаге и институту рассказывали про него многочисленные байки, отчасти правдивые, отчасти чистейшей воды фольклор: как Дрын умеет спать; как Дрын сдает экзамены; как Дрын бродит вечерами по общаге в поисках пропитания; как Дрын проходил лабораторный практикум у доцента Разумовского (Разумовский, большого ехидства человек, тоже был фигурой легендарной и история его поединка с непро-

бываемо-апатичным Дрыном долго служила утешением пострадавшим от доцента первокурсникам). Много чего говорили про Дрына – он ни на что не обижался. Обидеть его или посориться с ним было практически нереально.

Но в описываемое время для Дрына настали тяжелые дни. В очередной раз отчисленный в начале лета, недавно он попался коменданту и был изгнан с позором из общежития; хуже того, инквизитор-комендант конфисковал и запер в своей каптерке дрыновскую раскладушку, с которой тот последнее время кочевал по комнатам многочисленных друзей и знакомых.

А свободных коек в общежитии осенью просто не было – многие приезжие абитуриенты успешно стали первокурсниками и сильно потеснили старожилов общаги. Потом-то, в течении года, проблема помаленьку утрясется: одних отчислят, других за те или иные прегрешения выселят, третьи вступят в брак с питерцами и съедут сами, а кто-то и сбежит на съемную квартиру, не выдержав трудностей быта. Но до тех пор Дрыну надо было как-то продержаться, и уж по меньшей мере ближайшие ночи стоило провести где-нибудь поодаль, не пробуждая в коменданте дикого зверя.

Поэтому, когда Андрюша от имени Ольги с Людой предложил гонимому Дрыну пожить несколько дней в нехорошей квартире, тот без колебаний согласился. Честное предупреждение, что с квартирой что-то не так, не произвело на Дрына никакого впечатления. На него вообще ничего и никогда

не производило впечатления. Он просто взял один из двух комплектов ключей и отправился по указанному адресу...

И как-то так получилось, что неделя та была и у девчонок, и у Андрюшки сильно загружена: то лабораторные шестой парой, да такие, что пропустить невозможно; то культпоход в «Погребок» – тоже за две недели планировали, отменять жалко. В результате, найти Дрына и расспросить – ну как там? – никак не удавалось. Тем более что Дрын на занятия, ясное дело, не ходил и отловить его можно было только где-нибудь поблизости: в институтской читалке, в столовой или курилке.

Три дня Андрей с ним в этих вероятных местах появления пытался встретиться – бесполезно, нету Дрына. Вечером в общаге спрашивает:

- Дрына видели?
- Да здесь где-то шляется...
- Где здесь?
- Да на втором этаже вроде...

На втором этаже Андрюшу послали на третий, оттуда – на первый, с первого – в пивбар «Висла», вроде бы Дрын с кем-то туда этим вечером собирался.

Утомившись от беготни, на поиски в «Вислу» Андрей не отправился, а стал допрашивать народ конкретно: собственно, когда Дрына в последний раз видели? И выяснил, что видели конкретно позавчера, наутро после временного его переселения на улицу Чайковского – ходил по общаге, неудач-

но пытаюсь занять рубль, и вид имел хмурый, вялый и невыспавшийся (то есть такой, как и обычно). А потом просто пропал.

Андрюша к девчонкам: Дрын не появлялся, не звонил? Нет, отвечают, самым любопытно, дважды звонили – никто трубку не берет.

Позже, уже к полуночи, спустились вниз к вахте, снова позвонили – ни ответа, ни привета. Исчез Дрын, испарился. Надо ехать, но ночью совершенно не хочется. Не тянет почему-то темной ночью в нехорошую квартиру, бесследно растворившую почти двухметрового парня. Стали друг друга успокаивать – загулял, засиделся в гостях, с кем не бывает. И сами себе не очень-то верили. Не на что было гулять Дрыну, и в гости за пределы общежития ходить не к кому...

Поехали на следующий день, в самое светлое время, плюнув на занятия, опять вшестером и почти в том же составе. Только Катюха отказалась, попросив вернуть образок, если получится. Взамен нее под знамена воинствующего материализма призвали Дениса Веткина, парня высокого и плечистого, но очень мягкого, даже робкого, большого любителя кошек. Впрочем, не бывав в квартире, на экспедицию согласился он охотно, считая все это весьма забавным, вроде верчения блюдца или гадания при свечах...

Долго, минут пять, стояли шестеро атеистов на лестничной площадке, пытаюсь уловить хоть какие-то звуки из-за закрытой двери – тишина была там мертвая. Наконец, Денис

взял ключи у робеющей Люды, отпер дверь и решительно вошел внутрь, за ним протиснулись остальные, гораздо медленнее и осторожнее.

– Ну вот, все в порядке, – не разуваясь, Денис пересек прихожую и вошел в открытую дверь комнаты, – э-э, да у вас тут окно разбито, похоже, хорошо наш Дрын погу... – Денис осекся на полуслове, по инерции сделал еще шаг и застыл. Девчонки и Андрей зашли и тоже остановились у порога.

– Ой, – пискнула Оля.

Больше никто ничего не сказал...

...Окно действительно было разбито, сквозняк шевелил полузадернутые занавески, осколки остро поблескивали на дубовом паркете. Но никто не обращал на них внимания, потому что на нерасстеленной кровати лежал вытянувшийся во весь рост Дрын. Он мог показаться спящим, если бы не давно запекшаяся, почерневшая кровь на верхней половине лица... Несколько так же запекшихся кровавых пятен виднелись и на покрывале кровати.

– П-послушайте, здесь нельзя ничего т-трогать, н-надо позвонить, вызвать... – Андрюша бочком двинулся в прихожую, к телефону.

И тут его растерянный лепет и потрясенное молчание остальных прервал громкий и зловещий звук, резанувший по натянутым нервам, – бом-м-м! – все вздрогнули и невольно обернулись – бом-м-м..., бом-м-м..., бом-м-м... – часы мрачно отбивали полдень.

– А-а-а-а-а-а-а-а!!!! – истошный вопль Ольги заставил кампанию шарахнуть в другую сторону. Под заунывный бой часов тело Дрына медленно принимало вертикальное положение...

Через секунду они оказались уже в прихожей, сгрудившись у выходной двери. Но замок был с защелкой – дверь не открывалась, дрожащие пальцы крутили бронзовую шашечку не в ту сторону... Людмила оглянулась и потеряла сознание второй раз в жизни. Лицо и верхнюю часть туловища севшей на кровати фигуры исказили страшные судороги; окровавленная, с закрытыми глазами голова все дальше откидывалась назад под совершенно невозможным для живого углом...

Ситуация грозила коллективным помешательством; и в этот момент, перекрывая несмолкаемый Ольгин вой, Дрын оглушительно чихнул.

И открыл глаза.

Картина пятая: те же и Дрын

Все (неуверенно, толпясь у дверей). Дрын??!

Дрын (зевая и явно собираясь чихнуть еще). Э-у-ы-э...

Все (не решаясь подойти). Ты живой???

Дрын (ощупывая себя и растягивая гласные, как рабовладелец-южанин из романа М. Митчелл): Ну-у-у,

вро-о-оде...

Ольга (крайне подозрительно). А почему весь в крови??

Дрын (недоуменно). В ка-а-акой... (слезает с кровати, неуверенно подходит к зеркалу, ощупывает лоб) ...а-а-а, ну-у-у э-э-то...

Все (помаленьку убеждаясь, что не врет – действительно жив). Ну ты, Дрын, даешь...

5. Дрын: изгнание бесов

Толку от воскресшего было не добиться и общий диалог распался: Иришка и Ольга копошились над проходящей в себя Людмилой; Ольга-вторая безуспешно пыталась найти аптечку; чихающий Дрын удивленно изучал себя в зеркале; одолевший наконец замок Андрюша посоветался с Денисом и отправился в близлежащий магазин – потрясенная душа требовала (вернулся быстро, горбачевский поход на водку еще не начался).

Минут через сорок пять, за скромным столом (бутылка водки, бутылка «Совиньона», на закуску сушки, полбатона, банка ставриды и найденный в холодильнике сыр) компания стала снова расспрашивать отмытого от устрашающей кровавой маски Дрына. Делом это было нелегким, он больше налегал на еду и водку, а рассказчик всегда был из него никудышный. Медленно, очень медленно из сыпавшихся гра-

дом вопросов и состоящих в основном из междометий ответов сложилась примерно такая история:

Ничего подозрительного и смущающего разум в квартире Дрын не заметил. Да и не искал – попросту пришел и лег спать. Головы жгучих брюнетов ему на кровати не мерещились, дышалось легко и свободно, на подозрительное поскрипывание паркета не обратил внимания, как и на блуждающий по комнате взгляд ковбоя-одиночки. И тем не менее спал из рук вон плохо, более того, почти всю ночь не мог уснуть – любой из знакомых Дрына такому факту просто бы не поверил.

Поразмыслив, решил, что мешает ему спать синюшный свет фонаря, заливающий комнату. Попытался занавесить окно – не получается, оно громадное, широкое и висящих по бокам гардин хватает только на половину площади. И покрывало либо простыню тоже на занавеску не пустишь – до высоченного карниза без лестницы не добраться. И Дрын, не мудрствуя лукаво, решил погасить фонарь.

И тут слушатели через пень-колоду продвигавшейся истории обратили внимание на странный факт: время к четырем часам, на улице стемнело, а отвратительного того фонаря не видно – не горит, не превращает лица собравшихся в трупные маски. Но главное даже не это. Сидят-то уже давно и, что удивительно, хорошо сидят. Не давит ничего, нет желания встать и уйти немедленно; пьют-едят, разговаривают, шутят... Но вернемся к эпопее Дрына.

Стрельнув таки в общаге рубль и пообедав, он вернулся в нехорошую квартиру и всю вторую половину дня готовил оружие возмездия. Им должна была стать обыкновенная рогатка – любимое орудие хулигана Мишки Квакина. Ингредиентами послужили найденный в аптечке резиновый жгут, кусок кожи из старой перчатки и подобранный во дворе, в куче срезанных по осени ветвей, сучок с подходящей развилкой.

К вечеру все было готово, кучка приготовленных камешков лежала на подоконнике. Но неожиданно Дрын столкнулся с проблемой технического плана – окно упорно не желало отвориться. По всему судя, его вообще не открывали несколько десятилетий. Прочесав кухню и мобилизовав подвернувшиеся под руку вилки, ложки и ножики, последователь М. Квакина трудолюбиво отковыривал вековые слои краски. Потом долго тянул и дергал за старинного вида бронзовую ручку – окно, опасно задребезжав стеклами, отворилось. Дрын погасил свет и приступил к осуществлению своего антиобщественного, можно даже сказать вредительского плана.

Снайпером он, как оказалось, не был. Четыре камня канули в темноту, два звонко шелкнули по колпаку без видимого вреда для злокозненного осветительного прибора. И только седьмой достиг цели – хлопок, похожий на мини-взрыв и осколки посыпались на безлюдный тротуар.

Обрадованный ворошиловский стрелок стал закрывать окно – никак, налег посильнее – все равно не идет, еще под-

нажал – наконец захлопнулось, но без стекла. Стекло просыпалось на пол и подоконник грудой осколков, один, как выяснилось, оставил на лбу Дрына небольшую, но глубокую кровоточащую ранку, чего он впопыхах не заметил. Ущерб, нанесенный чужой собственности, не слишком смутил вспомнившего детство хулигана (где вы видели, чтобы Дрын смущался?) и он прилег, не раздеваясь, подремать пару часов. Чтобы совсем уж глубокой ночью и гарантировано без свидетелей изъять аналогичное стекло из окна подъезда. И успешно проспал почти трое суток – избавленный от шума и гама общаги, происков коменданта и бьющего в глаза синего света молодой организм наверстал упущенное и даже запасся сном впрок...

Как ни удивительно, но нехорошесть квартиры на этом закончилась, в чем собравшиеся убедились в тот же вечер. Этот факт породил у причастных к истории ряд версий, не слишком-то научно и материалистически объясняющий ход событий:

1. Оперировавшая на жилплощади нечистая сила, натолкнувшись на глубочайший материализм Дрына в сочетании с его полнейшим пофигизмом, – безвозвратно канула, как в черную дыру, в клокочущую пустоту дрыновой ауры...

2. Всему причиной меткий выстрел – лампу делали на Лысогорском электроламповом заводе в пятницу, 13 числа, а ввинтили в фонарь в канун Хеллоуина, известного шабаша всяческой нечисти. (Вариант: когда изготовляли преслову-

тую лампу, неподалеку умирал нераскаянный злодей и грешник, ну и т.д. – автор версии явно переборщил с просмотром фильмов ужасов.)

3. И Дрын, и фонарь тут ни причем. Квартиру спасла от происков лукавого повешенная на стену намоленная икона. Икону, кстати, в тот же вечер сняли и вернули Катюше; на освободившийся гвоздик Дрын, съезжая, повесил рогатку – мало ли что, вдруг потребуется...

6. Хеппиэнд

На этом для Ольги с Людой (через два дня они въехали в остекленную Дрыном квартиру) злоключения с потусторонними явлениями навсегда закончились. Зато начался конфликт с квартировладельцем.

Он, прохиндей этакий, вопреки обещаниям никуда на гастроли не уехал. Напротив, регулярно названивал девушкам – узнать, как дела. С каждым звонком тон его становился все более раздраженным; и через месяц артист наконец заявил, что по семейным обстоятельствам вынужден разорвать договор.

И вот тут Люда, абсолютно не простившая его ночного визита а-ля профессор Дуэль, отыгралась сполна. Ссылаясь на пункты подписанного и заверенного договора, она напомнила хозяину, что в таком случае он должен: во-первых, вернуть аванс за непрожитое в квартире время; во-вторых,

предоставить месяц срока для поиска новой площади; в-третьих, оплатить издержки переездов в размере двухмесячной платы.

По такой арифметике получалось, что эти два месяца де-вушки проквартируют абсолютно бесплатно. Артист, похоже, сочинявший договор в расчете на совсем другое развитие событий, попробовал качать права – Людмила повесила трубку. Вечером он явился в сопровождении милиционера точно такой, как и у хозяина, кабардинской внешности – выселять. Люда не открыла, накинула цепочку и стала звонить «02». Гости поспешно ретировались.

Опасливая Ольга предлагала не ввязываться в конфликт с джигитами, плюнуть и съехать. Но Людмиле, что называется, вожжа попала в известное место. Вставила с помощью Дениса Веткина новый замок в дверь и решила стоять до конца.

По счастью, дело они имели не с каким-нибудь абреком, свирепым дитем гор. Три поколения петербургских предков хозяина, полученное им воспитание и образование не оставляли места для силовых акций. Через неделю он капитулировал – вернул деньги и предоставил время для поиска новой квартиры.

Найденное жилье было так себе: хрущевка, первый этаж, час с лишним езды до института. Зато хозяйка, сдававшая для прибавки к пенсии одну из двух своих комнат, оказалась добрейшей души бабулькой – ужились легко, даже стали со временем одинокой женщине чем-то вроде внушек...

А выезжая с Чайковского, Людка не удержалась от маленькой мести – пририсовала карандашом спасающемуся ковбою на картине ну очень длинные ресницы. Отчего его взгляд и общее выражение лица удивительным образом изменились на игриво-зазывающие: «Ну где же вы, скорей, противные...»

Вот и вся история. Много лет я рассказывал ее самым разным людям, когда речь заходила о потустороннем и сверхъестественном. И просил объяснить, что это, собственно, было и почему так закончились. В зависимости от мировоззрения спрашиваемых ответы были самые разные.

Например, один деятель очень хорошо все разъяснил: на самом деле Дрын, не ведая того, совершенно случайно провел обряд экзорцизма, т.е. изгнания бесов. Оказывается, исконный христианский крест, на каком, собственно, и распяли Иисуса, был трехконечный, Т либо Y-образный (верхний, четвертый конец – позднейшая выдумка, абсолютно не функциональная в рассуждении казни). И, соответственно, свежесрезанная дрынова рогатка обладала огромной магической силой; еще в древних коптских храмах Египта подобными крестами защищались от бесов – воплощений Анубиса... Досказать эту увлекательную историю, к сожалению, не могу – каюсь, когда речь дошла до Атлантиды и космического разума, просто перестал слушать этого адепта скрытых знаний. А ведь раньше казался умным человеком...

Оставаясь же на позициях здравого смысла, можно вы-

двинуть единственное рациональное объяснение: мертвенный свет и картина с ковбоем тут не виноваты, они лишь накладывались на первопричину. Ею, судя по всему, был стартер-пускатель знаменитого фонаря. Вспомните, как он потрескивал, подмигивал и загорался позже своих коллег и издавал странное гудение. Видимо, что-то там, в пускателе, отсырело-скорродировало-замкнуло и получился чисто стихийно колебательно-резонансный контур, работающий в инфразвуковом диапазоне с небольшой мощностью и радиусом действия – только эту квартиру и захватывал. С технической стороны – явление вполне возможное. Для организма, попавшего под такое излучение, как раз и характерны подавленность, беспричинный страх, нервозность и возбудимость. И как следствие – ночные кошмары.

А подлец-хозяин, заметив такой открывшийся в его жилище неприятный феномен, не стал доискиваться причин, а банально использовал в целях личного обогащения. Подозреваю, что немало квартирантов съехали, позабыв про задаток – ноги бы унести из нехорошей квартиры.

Вполне удобная и научная версия, не оставляющая места мистике и мракобесию. Но иногда я вспоминаю тот вечер, ставшие мертвенно-чужими лица подружек и приятелей, разрастающийся внутри ледяной комок страха и безмолвно-кричащий взгляд ковбоя.

И понимаю только то, что ничего я в этом не понимаю.

P.S. Судьба Дрына

В 1996 году Дрын (вот ведь упорный парень!) сделал себе подарок к 20-летнему юбилею поступления в ЛИАП – получил наконец вождеденный диплом. Правда, на заочном отделении и после очень большого перерыва в учебе: повкальвал на Севере, повоевал в Абхазии, проработал три года на норвежской нефтяной платформе. Норвежцы крепко его уважали за выдержку и спокойствие, выгодно отличавшие Дрына от прочих русских, на их скандинавский взгляд слишком нервных и непредсказуемых.

Часть II

Игры с острыми предметами

Три звонка на рассвете (реквием доктору Джекилу)

В криминальной хронике упомянули – труп нашла хозяйка квартиры. Не совсем так. Да, зашла по утру, за ежемесячным obroком. Но труп – понятие целостное. За труп приняли потом саму хозяйку. И как не принять – лежит в луже крови, не шевелится. Отключилась. Фрагменты в глаза от двери не бросались. Кроме одного. Тот, как всегда, стоял на видном месте. На столе. Да еще и на подставке. Фирменный знак. Подпись.

...Опера курили на кухне. В комнату без нужды не входили. Жалели экспертов – возиться с этим? Понятых отпаивали. Дверь в туалет нараспашку – массовый бунт желудков. А вроде повидали... Не спорили. И так ясно – он. Утренний Мясник. Больше некому. Такой фирменный стиль не подделаешь. Серия. Пятый случай.

И единственный – угодивший на экран. В самом смягченном виде.

...Он телевизор не смотрел. Вообще не включал. Некогда. Не кокетничал – день забит, расписан по минутам. Ночь тоже. И газет не читал. Изредка – криминальные сообщения. Для работы. Он был писатель. Больше того – учил писать других.

Зачем он это делал? Никто не знал. Говорили: самоутверждается. Да куда уж больше. Самоутвердился. И самовыразился. Вроде достаточно – полку распирают переплеты. Сверкают гляncем. И все – с его фамилией. Слава!

Другие болтали: плодит учеников. Эпигонов. Кровь от плоти, плоть от крови – короче, что-то про чресла. Инстинкт деторождения. Сублимированный. Тоже ерунда – пять детей от трех браков (по слухам). А может – гораздо больше.

Еще версии: иcсяк, паразитирует на чужих сюжетах; литературный плантатор ищет себе литературных негров. Как Дюма-отец. У них там фабрика литературная. Романы и рассказы фабрикуют под раскрученным брендом. Тут без комментариев – завистливый визг импотентов.

Так зачем? Непонятно. Но – учил. Три дня в неделю. Вернее, три вечера. ДК – бывший дом бывшей культуры, центр досуга по нынешнему. Четвертый этаж. Комнатенка уставлена колченогими столами. Во вторник там учатся макраме, в пятницу экс-гипнотизер приоткрывает неведомое. А в понедельник, среду, четверг – он. Два часа, иногда затягивается надолго. Группа – когда десять человек, когда пятнадцать. Изредка больше. Девушек половина. Модно, женские рома-

ны прут как фарш из мясорубки. Любовные, криминальные, иронические. Женщины-следователи ловят женщин-аферисток – в перерывах между адюльтерами. И все при этом тонко шутят. Пускай.

Пятнадцать пар глаз поначалу недоумевают: он – такой? Такой, такой, что поделаешь. Лысый и лохматый одновременно – остатки волос бунтуют, никак не хотят соблюдать видимость приличий. Да и он не старается. Три вечера – одна и та же рубашка, воротник к четвергу темнеет. В понедельник надевает новую. Все два часа постоянно курит, на столе кофейная банка бычков. Предупреждает сразу: аллергиков и астматиков не принимаю. Глаза глубоко посажены, цвет так сразу и не определить. Взгляд тяжелый. Сидит, упершись ладонью в колено, тянет одну за одной.

И говорит, говорит, говорит. На первом занятии, сразу – ошарашивал: вы – графоманы! Не спорьте, другие сюда не приходят. Будем делать писателей. В чем отличие? Графоман – тот, кто пишет. Писатель – тот, кто издается. Графоман свободен в своих писаниях – для себя старается. Писатель – подчиняется непреложным законам. Кто-нибудь что-нибудь слышал о законах художественного творчества? Забудьте. Писательство – бизнес. Правят законы рынка. Необходимо: а) произвести товар; б) прорекламирровать; в) продать – окупив затраты на первый и второй пункты. То есть: предмет нашего изучения есть маркетинг и менеджмент интеллектуальной собственности. Торговля мозгами. Что «хо-

роший товар в рекламе не нуждается» – такая же ахинея, как и «талант везде пробьет себе дорогу». Кстати, пункт «а» – для кустарей. Для предпринимателей-одиночек. Киты и мамонты этого дела – сами пишут очень мало. Почти ничего не пишут. Соавторы, литературные негры... А выстреливают до сотни печатных листов в год – огромными тиражами. Иные – и еще больше.

Сам он относился к иным. В прошлом году – сто семьдесят шесть условно-издательских листов. Рекорд. Тематика самая разная: и вампиры с оборотнями, и классические детективы, и исторические, и фантастические... Токарь-универсал.

Спрашивают: Кого читать? – А зачем? Чукча не читатель, чукча писатель. Вечером допишите, а утром прочтите – на всякий случай. А то многие тут же папку под мышку и бегом в издательство. Если серьезно: Кинга читайте. Кого еще? Снова Кинга. Кроме него? А опять Кинга. Гений продаваемости. Только не вздумайте писать как он, с многостраничным подходом к теме – никто не купит. Когда раскрутитесь – пожалуйста. А сейчас – в первом абзаце – труп на ковер. И пошло действие.

Эрудиция у него кошмарная. Не блестящая – именно кошмарная. Эйденическая память или что-то вроде этого. Помнит все. Или почти все – что читал, что слышал. Обожает выдвинуть дикую идею. Абсурдную. Чтоб едва сформулированная – вызывала неприятие. И блестяще ее отстаивать.

Той самой эрудицией. В голове – громадная куча цифр, имен и фактов. Выгребают нужные в споре, остальные задвигают в дальний угол своего громадного чердака. И попробуй поспорь.

Многие не выдерживали, уходили. Некоторые – с обидой. Ему все равно. Иные просто не приходили на следующее занятие. Другие пытались выяснить отношения. Один (неплохо писал, ехидно и – коротко) сказал разочарованно: я думал – Вы Учитель. А Вы – говно!

Отреагировал неожиданно. Расплылся в улыбке. В доброй (редкость!): Значит – не зря старался. Значит – выучил. Поздравляю! Выпускной – на пять с плюсом!

И тут же предложил обмыть писательскую зрелость. Обмыли. Потом обоим было противно.

Любил начать разговор с чистой воды провокации: я вот очень жадный! Патологически жадный! Кошмарно! Мозг – ваше богатство. Мысли – проценты с капитала. Тратьте их с толком, любую – на бумагу. Никаких незавершенных задумок, никакой писанины «в стол». Если ты писатель – любая написанная мысль должна быть напечатана. Любая напечатанная – оплачена. Вышло плохо – переделайте. Длинно – сократите. Коротко – растяните. Еще вариант: выверните вещь наизнанку, как грязную рубашку. Может – покажется чище. Оставьте какую-то параллель, все остальное замените антитезами. Заменяйте смелее: дураков на умных, умных на циничных, подвиги на гнусности, любовь на извращение.

Опять не выходит? Поработайте с формой. Фразы длинные и сложноподчиненные – рубите на кусочки. Как топором – клубок колючей проволоки. На короткие острые обрубки. Чтобы в горле застревали, чтобы – не выплюнуть. Чтобы – глотали. (Сам так и писал в последнее время. И – глотали, вспарывая желудки.) Если совсем дело плохо, если ничем повесть или рассказ не спасти – растягивайте до романа. Романы писать проще. Дольше – но проще.

Иногда недели не проходило – начинал вещать совершенно противоположное. Ловили на противоречии – удивлялся: в мире все и всегда состоит из противоположностей. Их единство и борьбу не Карл с Фридрихом придумали, ныне высочайше отлученные и проклятые. Это – Гегель, пока еще анафеме не преданный. Напишите вещь, которая одновременно у одного человека вызовет противоположные эмоции – переживет века.

Одна девица из группы (для него девицы – лет до тридцати пяти включительно) сказала, наедине – что выходя с занятия, чувствует себя морально изнасилованной. И тут же дала понять, что согласна – но добровольно и физически. Не снизошел. Но бывало, еще как бывало. Опусы таких потом анатомировал с особой, садистской беспощадностью.

В ту среду все шло как обычно. Долго вещал о необходимом для продаваемости количестве насилия. Крови не жалеть, сюжет без трупа – не сюжет. А иногда труп сам по себе – сюжет. Представьте его хорошенько, зримо – потом поду-

майте: а как он там образовался, такой красивый? Что было до? Что стало после? Глядишь, все и завертится.

Ему: а в чем тут сверхидея?

Он: фу-у-у, слова-то какие. А вы не задумывайтесь об идеях. Тем более о сверхидеях. Это хлеб критиков. Идея одна – интересный сюжет. Был бы сюжет – идей к нему подверстают. Хорошая вещь – которую читаешь в полпятого утра, в семь на работу, но не оторваться – сюжет затягивает. Если с самого начала собрался сеять разумное, доброе, вечное, просвещать и воспитывать – так писать не получится. По неволе полезут ненужные отступления. Герои начнут нести лишнюю ахиною – разъяснять авторскую позицию. К чертям позицию! Читатель уснет. Труп на ковер, кишки по комнате – и понеслось! В любом сюжете какая-никакая идея зарыта – и не занимайтесь эксгумацией. Умные сами докопаются, а дуракам – к чему?

Ему: но ведь это цинизм?

Не смущается: да, цинизм. Есть что-то против? Читатели любят цинизм. Любителей идилических соплей в расчет не принимаю. Писать для них все равно не научу – сам не умею. А теперь займемся патологоанатомией. Чья сегодня очередь?

Иришка. Ира Чернова. Невысокая, тоненькая – но с округлостями. Застенчивая. Коса до пояса – никогда не распускает. Девочка. Сзади на шее, у косы – родинка. Не красавица. Милая. Когда что-то спрашивает – ушки наливают-

сы розовым. Потом краснеют. И – как два фонарика. И-е-э-эх! Жаль, что для него время девочек прошло – таких. Вот и сейчас: читает рассказ, как школьница на утреннике, голосок подрагивает. Довольно большой, страниц тридцать – рукописных, ровненьким почерком отличницы. Слушают терпеливо. Сюжет – по автору и не скажешь: мерседес взрывается, выброшенная автоматом последняя гильза звякает в наступившей тишине по бетонному полу, сердце красотки вдребезги разбито о мрачную полуусмешку героя-киллера. Финал немного искупает – неожиданный. Закончила, вернулась на место, ждет.

Он снисходительно-безжалостен. Или безжалостно-снисходителен: неплохой рассказик. Более того, может стать хорошим. Если взять карандаш и вычеркнуть половину. Да не тянись к пеналу – все равно не знаешь, какую. Перекурим и займемся все вместе.

Перекуривали на лестнице. Он тоже – за кампанию, хоть никотином и переполнен... В курилке вопросы задавали смелее. И – ехидней. Курилка уравнивает. Подошел парнишка (все, кто моложе его – парнишки). Протянул прозрачную папочку с листками. Просил оценить. На публике – не хотел. Скромный парнишка, публичности явно не любит. На занятиях сидит за последним столом, один. Вопросов не задает, в дискуссии не вступает, едва виден за прислоненными к стене щитами со старыми афишами. Он даже имени его не вспомнил, но папку взял – прочитаю.

Вернулись, расселись. Занялись вивисекцией. Ушки Ириши, как два стоп-сигнала, но – молодцом. Отбивается. Он молчит, пускай выговорятся. Его слово последнее.

Потом вступает, поглядывая в рукопись: насчет сюжета вы зря. Нормальный сюжет. Продаваемый. Если упаковать соответственно. А упаковка хромает. Итак – о форме. О деталях и детальках. Об отделке. «Блохи» – в избытке. На редакторов не надейтесь, хорошие – редкость, ловите сами. Четыре раза «что характерно» – перебор. Меньше читай Бушкова на ночь, его словечко. «Весело удивился» – тоже чужое, к тому же не к месту. Не с чего ему там удивляться. И веселиться тоже. А от «мочить в сортире» у всех уже уши завяли. Дома займись словами «был», «была», «было», «этот», «эта», «эти». Вычеркивай, заменяй синонимами, перекраивай фразу – не оставляй им места. Кстати, о фразах. Сложносочиненными конструкциями владеешь, молодец. Но в напряженных местах – ни к чему. Там – проще фразы, минимум прилагательных и причастий. Причастные обороты – вычеркнуть до единого. Он пришел – она стояла – он стрельнул – она упала. Так примерно. Убирай подлежащие из предложений – на слух ускоряет темп действия. Главная часть речи – глагол. Потому что универсальная. Глагол можно образовать из всего: из существительного, прилагательного, наречия. Из местоимения и междометия. Ну так образовывай. Запятыми злоупотребляешь, тире слишком мало. Фразы обрывай, мысли недосказывай – и многоточие, пусть додумывай.

вают. Теперь об оружии. Не спрашиваю, держала ли ты в руках АКМ – из текста ясно – не держала. Значит так: во вторник на следующей неделе практическое занятие. В тире на Крестовском. Что? – нет, служившие не освобождаются. Обойдется это вам...

Пересчитал по головам – тринадцать, нехорошее число. Ну да ладно, с ним – четырнадцать. Сложил, разделил: ...в семьдесят восемь рублей с носа. А то у вас будут стрелять, как у иных маститых, Макаровы 39 года выпуска и трехстволки марки «Бюксфлинт». Кстати, никогда не пиши про оружие «ухоженное», в зубах навязло. Оно по определению регулярно чистится и смазывается, без ухода просто откажет, не выстрелит.

Про оружие знал все. Хотя не служил, не воевал. Самоучка.

Иришка молчит обиженно. Мордочка как у белки, долго разгрызавшей орех – а он гнилой.

Подбодрил: но это все техника. На час-другой наведения глянца. А по сути – лучшее, что я тут слышал за три последних месяца.

Лукавил. Не хотел, чтоб бросала, разочаровавшись. А может – и не прошло еще время для девочек? Таких?

Отстрелялись, задержавшись на полчаса лишних. Поехал домой. На метро. И им советовал: только на метро. Пока для личного шофера не разбогатеете. Туда – обратно и готов сюжет для рассказа. А перекрестки-знаки-светофоры-гаишни-

ки-штрафы – все мысли из головы, как пылесосом.

На самом деле просто все никак не мог сдать на права, жалел время. Машина в гараже уныло ржавела.

Приехал заряженный и взведенный, готовый писать до утра. Он так и писал, ложась засветло. Днем отсыпался. Две ночи – авторский лист. И лишь незначительная правка потом. И никаких вам негров! Одинок поужинал, компьютер манил, как вампира – беззащитное горло.

Включил, загрузил. Полез в сумку за блокнотом – в транспорте записывал мелькнувшие мысли. Прозрачная папка с листками. Совсем забыл. Ладно, потрачу минут сорок, раз уж обещал.

Немного – тринадцать страниц довольно крупным шрифтом. Принтер матричный, картридж явно в агонии – последние фразы едва проступают. Было дело – сам начинал на таком. Сейчас на антресолях пылится.

(Врал сам себе. Начинал не на таком. И не на машинке, прокатной – одним пальцем. Это все потом. Сначала – пачка пожелтевших листов, дешевая ручка рвет бумагу. Пальцы правой не гнутся, не ощущаются, но он пишет, пишет, пишет – не отрывается, час за часом, почти не задумываясь, не хочет выныривать – отгораживается бесконечными рядами неровных строчек от всего. От всего, что снаружи. А снаружи – боль, и страх, и ненависть, и непонимание – что происходит? как так можно? И кровоточащая пустота потери. Внутри – тоже самое. И все – на лист. Так вот и начиналось.

Никогда не вспоминал. И другим не рассказывал.)

Рукопись странная – ни заглавия, ни имени автора. Но уроки усвоил. Никаких вступлений-рассусоливаний. Сразу, первой фразой:

Я убил ее на рассвете.

Открыл финал, глянул на последнюю:

С тех пор мне нравится убивать.

Однако. Тема закольцована, ничего не скажешь. Но... Ладно, посмотрим. Устроился на диване, вздохнул. Поехали.

Я убил ее на рассвете. Просто позвонил в дверь. Знал – открывает, не спрашивая. Два коротких звонка, один подлиннее. Так уверенно звонят свои, точно знающие, что им сейчас отпрут. Она даже не заглянула в глазок. Знал, что откроет – она. Соседи-пролетарии если работают – ушли еще затемно. Если выходные – спят здоровым алкогольным сном.

Одета. Собирается выходить. К первой паре. В брюках – она всегда в брюках. Всего раз видел ее в юбке – смотрелось дико. Как адмирал в кителе, при наградах, регалиях – и в женских кружевных колготках...

Привет. Я к тебе. Ты ведь ждала? Она не ждала. Она спокойно спала, она с аппетитом кушала, она не запирала дверь на цепочку. Она не заводила дога и не приобретала газовик. Она занималась любовью – с усталым любопытством, как всегда. Но она не ждала.

Молчит. В глазах – легкое недоумение. И спрятанное презрение, не очень глубоко спрятанное. Молчит. Но

мне и не нужен ответ.

М-да... Телеграфный стиль учителя, один из его любимых, усвоил хорошо, никаких сомнений. Но тут не только стиль, не только.

Дочитал до конца страницы, все больше мрачней. Остановился на середине фразы. Не стал переворачивать. Что дальше – и так ясно. Будут убивать. Ясно – чем. Нож без ножен в кармане просто так не сжимают. Даже понятно – как. Недаром герой (герой?) уставился на горло. На горло тридцатилетней женщины с первыми легкими складочками. Но главное – не это. Совсем не это.

Это его рассказ. Написанный, как написал бы он. Если бы в голову пришла дурная мысль проанатомировать убийство. Не подражание, не пародия, не механическое заимствование стиля и оборотов. Глубже. Чтобы написать так, надо влезть внутрь. В шкуру, в мозг. Отождествиться. Как такое смог этот едва знакомый парнишка с редующими на макушке светлыми волосами? Как? И зачем?

Скрипнул зубами, отложил недочитанные листки. Подсел к компьютеру, минут двадцать яростно стучал по клавишам. Печатали двумя пальцами, но очень быстро. И сильно – клавиатуры выдерживали по году, редко больше. К утру указательные пальцы не слушались, переходил на средние... Запустил на печать, смотрел, как медленно ползет страница из принтера. Вернулся на диван, перевернул следующий лист, положил свой рядом. Водил глазами с одного на другой, чув-

ствуя, как лоб покрывается испариной.

Это не были два идентичных текста. Но сходство – несомненное. Очень сильное сходство. Как если бы ему пришлось восстанавливать потерянную страницу рукописи – не сразу, через несколько месяцев. М-да.

Но: я не писал такой рассказ. Я не читал раньше такой рассказ. Я ничего не слышал про такой рассказ. Мне не приходила в голову такая тема. Никогда. Или?

Ученик оказался слишком хорошим? Настолько хорошим, что смог не просто скопировать – предвосхитить рассказ учителя? Не написанный, даже не задуманный? Слабоватая идея. Сюжет хилый. Куда интересней: плагиат с использованием машины времени. Нет, машина – архаизм, тут должна быть какая-то пространственно-временная лазейка... И сразу коллизия: пять лет тому вперед ты украл вещь у известного метра, вернулся, издал как свою – метр, понятно, ее теперь не напишет. У кого же ты ее сопрешь – пять лет спустя? Ну ладно, допустим – из старого журнала, со своей уже фамилией... Но кто ее тогда написал? Ситуация... Тема не фонтан, но рассказ слепить можно. Легко. За два вечера. Вполне читаемый. Только разбавить детективной линией и вставить пару загодя приготовленных хохм – чистая фантастика теперь не в моде.

Идейка потом пригодится, но сейчас ничего не объясняет – ввиду отсутствия пространственно-временных лазеек в ближайших окрестностях.

Вариант: ученик-ясновидец. Вроде Ванги. Прозревает будущее и сразу заносит на бумагу. В виде рассказов. Чужих. Да, маразм крепчает.

И что я все: ученик, ученик. Можно посмотреть, как зовут и кто такой.

Долго рылся в беременном бумагами шкафу, нашел папку с анкетами этой группы. Анкеты ерундовые, одна страничка, десять пунктов: хочешь – заполняй, не хочешь – ставь прочерки. Можешь наврать от души, никто и ничего не проверяет, даже имя с фамилией.

Выбрал нужную методом исключения. Почитаем. Буквы квадратные, почти печатные. Так заполняют документы люди с трудночитаемым почерком. В графе «Фамилия» – Рулькин А.А. «Имя» и «Отчество» – пустые. Ну-ну... Писатель Рулькин – звучит гордо. Кстати, что значат эти А.А.: Александр? Алексей? Андрей? Точно, Андрей, вот и имя всплыло в памяти.

Поехали дальше. «Образование» – высшее. Парень лаконичен не только в рассказах. Подставляй что хочешь – от военного училища до любого из расплодившихся платных коммерческих вузов (Гос. лицензия! Диплом международного образца! Зачисление по результатам собеседования!).

«Дата, год рождения» – 27 лет. Прямо отвечать на вопросы никак не желает. Двадцать семь. На вид казался постарше. Я тоже в его годы казался постарше. Двадцать семь – это я в... ага, в девяносто третьем году. Он резко помрачнел.

Девяносто третий год – тема запретная. Даже для себя, даже в мыслях. Просто выгорожен из памяти – высоченным бетонным забором с колючкой по гребню. Чтобы не вырвались оставшиеся внутри чудовища. Торопливо вернулся к анкете.

«Семейное положение» – пусто, нет даже прочерка.

«Место работы» – прочерк.

«Место жительства» – общежитие ЛГУ.

«Телефон» – прочерк.

ЛГУ давно уже не ЛГУ, и общежитий там море. Типичная отписка – но кое-что проясняется. Свой диплом, надо думать, там и получил. Несколько лет назад. А теперь, самый логичный вариант, – в аспирантуре. Иногородний. И гуманитарий. Любой другой попробует подработать на жизнь уж никак не сочинительством. Но как вы догадались, Холмс? Элементарно, Ватсон, – дедуктивный метод, читайте А. Конан Дойла.

Дедукция – вещь хорошая. Но совершенно не объясняет возникновение сего опуса. Так ведь и сам Холмс-Ливанов при возможности не дедуцировал. Подглядывал за отражением Соломина в надраенном кофейнике. Подождем завтрашнего вечера. Пардон, сегодняшнего. И потолкуем с автором. Не хочет публичности – так мы келейно, тет-на-тет. В порядке индивидуального обучения. Но сначала неплохо бы дочитать рассказ. Для предметного разговора.

К третьей странице он понял, что поторопился. Нет, такого он написать не мог. Точнее, смог бы, сумел, захоти по-

настоящему – но не хотел, да и зачем? Ни один нормальный человек до конца не дочитает – швырнет книгу в угол, матеря автора. А слабые нервами – рванут к унитазу, позеленев лицом. Весь рассказ, целиком и полностью – убийство и расчленение трупа. Коротким острым ножом. С обоюдоострым закругленным лезвием – нож подробно описан в четырех абзацах. И это были самые безобидные абзацы. Остальное – хрипело и брызгало кровью. Все тринадцать страниц. Минут двадцать или двадцать пять реального времени – героиня умирала долго и мучительно. И слишком натуралистично.

Она не кричит. Трудно кричать со вспоротой гортанью. Но пытается, старается. Из разинутого рта, из дергающихся губ – бессильное шипение. Воздух вырывается из раны – вылезла наружу и в такт неслышным воплям трепыхается, дергается какая-то красная пленка – словно шкурка языка. Мяса в котором не осталось. Второй рот. Кровь не хлещет голливудскими брандспойтами. Сочится помаленьку. Так и бывает, если не затронуть артерию и яремную вену. По науке – трахеотомия. С таким можно и пожить. Она поживет. Еще немного поживет.

Ей будет очень плохо. Плохо и больно. Всю оставшуюся жизнь. Почти как было мне. Но для нее все кончится быстрее. Она и тут меня обыграла. Что ж – получай свой выигрыш. Получа-а-а-ай!!!!

Опасно иметь развитое воображение. А может и нет. Но

тогда опасно читать такие сочинения. Они несовместимы с мозгом, транслирующим текст в яркие зрительные образы. Этот факт дошел от головы до желудка немного позже, на середине восьмой страницы – и он рванул к туалету. Зеленея лицом.

Полегчало. Но только желудку. Он посидел, собираясь с силами. Дочитывать не хотелось. Но ничего другого он делать сейчас не мог. Четыре страницы. Четыре страницы до конца. Всего и целых четыре. Слева ныло. Он набрал полную грудь – и нырнул.

Брюшина раскрылась как тонкий безгубый рот. На краях – ни капельки крови. Ровный, желтовато-белый разрез. Жирок. Да ты поправилась за эти месяцы... А крови все нет. Это капилляры и сосудики сжались. От страха. И боли еще нет. Ничего, сейчас все будет. И кофе, и какао. И коньяк, и умные разговоры. На, получай!!!!

Он знал все. Количество перешло в качество. Он оказался там. Не наносил удары – был сторонним наблюдателем. Безмолвным и беспомощным. Но он знал все. Эту гигантскую коммуналку на верхнем этаже углового дома. Эти две комнаты с высокими потолками. Эту мебель и эти обои. Эти книги в полках. Эти безделушки на трюмо (косметики почти нету). Эту гитару на стене. Эти рисунки – штрих скупой, уверенный, мужской. Эти занавески и этот вид из окна – музей, похожий на храм. Кровавый храм кровавого бога войны.

Он знал все.

И – он знал эту женщину. Лучше бы он ее не знал никогда. Лучше бы он никогда здесь не был – ни тогда, ни сейчас. Лучше бы он никогда не видел этого лица – которое казалось ему то прекрасным, то отвратительным. Которое сейчас искажено, дико искажено. И не мукой – ненавистью. Последней бессильной ненавистью. И лучше бы он не слышал никогда ее голоса – низкого, чуть-чуть хрипловатого. Всегда спокойного. Иногда – презрительного. Иногда – бархатно-нежного. Голоса, который превратился в булькающий клекот и шипящий свист. И в этом свисте и клекотании – та же смертельная ненависть.

...Он был весь в крови – с ног до головы. И убийца – тоже. Он не видел его лица, только длинное, почти до пят, поношенное пальто. Синее. Спереди оно стало черным. Мокро-черным. Липко-черным. Пропитавшимся кровью. Жуткое и неторопливое действие заканчивалось, убийца перестал растягивать удовольствие и кровь хлестала во все стороны.

Прощай. Если мозг и вправду не сразу умирает в отделенной голове – ты меня слышишь. И видишь. Тогда знай – все кончено. Все прошло. Все обиды и вся боль. Тебе ведь не больно? Да? У тебя ведь нечему болеть? Теперь? У меня тоже. Нечему. Тоже ничего не осталось. И давно. Но ты опять наверху. Ты кошка и всегда падаешь на четыре лапки. Потому что, кажется, ты все-таки уже умерла. Прощай. Я люблю тебя.

Больше я ей ничего не сказал. Да она и не слушала.

Отступил к двери. Сбросил пальто, оно больше не понадобится. Одернул короткую куртку. На ботинках небольшое пятно – стер тряпкой. Ее тряпкой. Прошел в другую, проходную, комнату. Цепочки кровавых следов не стеснялся – ботинки тоже на один раз. И на два размера больше. Но подошвы вытер. Тщательно, о коврик у входа. Посмотрелся в большое зеркало. Черт! Кровавое пятно на лбу. Оттирал лихорадочно, слюной и платком – санузел на другом конце бесконечного коридора. Вроде все. Звук? Звук... Обрато – она шевельнулась?! Она шевельнулась... рот приоткрыт чуть больше? Показалось. Пора уходить.

Убийца ушел, аккуратно защелкнув замок двери. А он остался – немой и неподвижный. Не в силах сдвинуться с места. Не в силах даже закрыть глаза. Или отвернуться. Отвернуться от устремленного взгляда головы. Мертвой головы на столе. Похожей на ежика. На страшного и нереального ежа – кровь склеила коротко остриженные волосы в торчащие во все стороны колючки. Памятник на маленьком постаменте – из трех книжек, трех синих томиков. Теперь – сине-красных. Переплеты повернуты к нему – Карл-Густав Юнг, собрание сочинений.

Сначала был голос. За окном. Выводивший с пьяной задумчивостью в ночной тишине: Гоп-ст-о-о-оп, Сэмэ-э-эн, за-сунь ей под ребро-о-о-о, гоп-ст-о-о-оп, сма-а-атри не поло-май перо-о-о-о, об это ка-а-а-а-меняя се-е-е-е-ерце...

Голос удалялся. Неведомый певец уходил, не ведая, что

только что спас его. Вытащил из залитой кровью комнаты. Из-под мертвого взгляда мертвых глаз. До боли, до стога, до закушенных в кровь губ знакомого взгляда знакомых глаз.

Дурак, сказал он певцу. Перо не втыкают, не вонзают, не засовывают. Втыкают шабер. Или заточку. А пером пишут. Режут. Полосуют.

Кретин, сказал он себе. С чего ты взял, что это – о ней? О ней... О ней...

Он застонал. Проклятый рассказ сделал то, чего он боялся все эти годы. Все эти восемь лет. Взломал серую бетонную стену в мозгу. Открыл запретную зону. И освободил бродивших там чудовищ.

Он ошибся. Тогда – он ошибся. Не привык, не умел – но ошибся. И – проиграл. Он всегда держал ситуацию. Он привык делать все, что хотелось – впервые что-то делали с ним. Проиграл – и проиграл женщине. Или не женщине? Оно. Нечто – среднего рода. Женские слабости? Ха! Женские капризы? Ха! Холодный бесполой мозг, тоже привыкший лишь побеждать. Женщина? Черт ее знает, но поселился тот всеподавляющий разум марсианина в теле с признаками женского пола. Впрочем, любила она женщин и мужчин – одинаково. Любила? Чуть, кого может любить уэллсовский марсианин... Изучала – с холодным любопытством. Поведенческие реакции в постели. Материал для диссертации. Диссертации по Юнгу. Она преподавала философию... А чем еще может

заняться застрывший на земле марсианин? Застрывший в чужом теле? Когда боевых треножников и лучей смерти не стало? Впрочем, к чему ей лучи... Изучала – и съедала... Всех – и его. Высасываемые шкурки чувствовали себя счастливыми – и он. Анестезия. Как у насекомых-кровососов. Заодно – раз уж подвернулась – высосали и его жену. Тогда – жену. Тоже с холодным любопытством. А он... Наверное, он любил. И – ненавидел. Одновременно. Бывает и так... Потом думал – еще повезло. Что просто изучили и отбросили. Страшна любовь марсиан... Потом – не думал ничего. Стало нечем. Мозг разлетелся, как зеркало от брошенного камня. Осколки что-то отражали – цельной картины не было. Те страшные месяцы разбились на отдельные сцены и разговоры – разлетевшиеся, как листки с черновиком пьесы... Жить не хотелось. Но он стал жить.

Он спасал себя сам. Радикальными методами. Чумной карантин в мозгу. Заградотряды на извилинах. Высокий серый забор – становящийся все выше. Чтобы не показался над ним кончик щупальца марсианина – и не заставил вспомнить все. Потому что не было ничего. Не было. Не было девяносто третьего года в двадцатом веке – и не показывайте старые календари.

Сокрушивший стену таран был на вид не грозен. Тринадцать листков, отпечатанных на матричном принтере...

Стрелка ползла к пяти утра. Три часа выпали, исчезли, ис-

парились из хода времени. Он был жив. Боль в груди медленно отпускала. Серая стена вновь стояла несокрушимо. Но – вокруг гораздо большей площади. Внутри попали новые люди и события, встречи и разговоры. Неважно. Он жив. Мозг вновь работает холодно и ясно. Он может спокойно читать этот рассказ – никаких ассоциаций. Ни с чем и ни с кем. И он прочитал. Еще раз. Медленно, не обращая внимания на литры крови и метры кишек. Ища зацепок. Находя и удивляясь. Рассказ никак его не касался. Абсолютно. Не имел никакого отношения. Мозг при первом прочтении цеплялся за крохотные мелочи и строил совершенно произвольные цепочки связей. Началось со второго абзаца. *Первая пара* – может значить что угодно. Любой вуз. Студентку. Преподавателя любого предмета. Достаточно было взбудораженному мозгу подставить философию – и пошло-поехало. Покатился в пропасть узнавания. И едва выкарабкался.

С опусом ясно. Остается автор.

Пора назвать вещи своими именами. Сбросить маски. Поднять забрало. Сказать вслух подсознательно известное сразу: парень что написал, то и сделал. Убил и расчленил. Незнакомую женщину. Совершенно неизвестную. Незнакомую. Все остальное – обостренное писательское воображение и банальное дежа вю. С ним такое бывало. Впервые шел по улице и дома казались смутно знакомыми. Начинали казаться только увиденные, что за углом – сказать не мог. И в разговоре порой фраза в момент произнесения всплывала

из глубин памяти – как уже сказанная.

Зачем аспирант Рулькин принес это ему? Ну, тут сюжет затертый. Шаблонный. «Гонкуровская премия для убийцы» – там сказано все. Невозможность тащить такое в одиночку. Надежда хоть как-то и хоть с кем-то поделиться. Защитная реакция мозга, стремящегося выплеснуть это. Избавиться. А еще сознательная жажда славы (любой!) – и подсознательное желание быть пойманным. Именно поэтому серийные убийцы затевают телефонные игры с журналистами. А то и с полицией. Или с милицией.

Итак, сэр, ваши действия? С действиями сложнее. Обвинить человека в убийстве на основе рассказа? Пусть излишне натуралистичного, пусть смакующего слишком уж реальные кровавые подробности? А если все же – фантазия? Если просто – больной? Безобидный больной? Был ли вообще мальчик? В смысле – женщина? Была коротко стриженная голова, которая стояла на столе, на трех подложенных томиках Юнга? Тьфу, при чем тут Юнг, это ведь уже мое воображение поработало. Тоже больное. У всех писателей – в чем-то больное.

К черту ломать голову. Надо ехать к Граеву. Прямо с утра. Граев. Павел Граев. Мрачный, молчаливый верзила с мертвой хваткой. Почти ровесник – на год старше. Почти друг. Почти – после пяти лет знакомства. Друзей у Граева мало. Очень мало. С друзьями он ходил под пули. Друзья, и никто другой, зовут Граева странным прозвищем: Танцор.

С бору по сосенке обставленный кабинет. На стене огромная карта города – виден каждый дом. Въевшийся навеки запах табака. Копоть со стен скоро будет отваливаться пластинами смолы и никотина. Здесь много курят и спорят до хрипоты. Отсюда срываются по тревожному звонку. Здесь не держат ангелов или киношных суперменов. Сюда обыкновенные парни с усталыми лицами тащат кровь и боль со всего города. Чтобы их, и крови, и боли, стало меньше. Потому что здесь убойный отдел.

Граев молчит. Он никогда не спрашивает: зачем пришел. Пришел – значит надо. И очень редко что-то рассказывает сам. Информацию об интересных делах надо вытягивать клещами. Чаще отправляет с расспросами к своим ребятам.

Паша – персонаж нескольких его вещей, под другим именем, естественно. Одну прочитал. Удивлялся: этот робот, запрограммированный говорить телеграфным языком, хватать, стрелять, тащить и не пускать – я? Но не обижался. Он не видел ни одного человека, на которого бы Граев обиделся. Не было таких на свете. Не заживались. На свободе, по крайней мере.

Он: Паша, скажи... у вас не было нераскрытого дела с убийством и расчленением? С одной характерной деталью – брошенный на месте длинный плащ? Или пальто?

И, не дожидаясь ответа, понял – было.

Граев привстал, оперся о стол огромными ладонями. Угол рта дернулся. И, словно вколачивая костыль в шпалу: Отку-

да. Ты. Это. Знаешь.

Он не был готов ответить. Надеялся на лучшее. Вопреки всему – надеялся. Либо все выдумка. Либо – известное и законченное дело, как-то ускользнувшее от внимания. Ляпнул: прорабатываю сюжет. Как после грязного убийства уйти не светясь? Ход очевидный. Купить в секонд-хенде длинное пальтишко, потом сбросить – и уйти в чистом...

Не поверил. Граев никогда не верит в совпадения. Устался совиными глазами. Процедил, избегая подробностей: кто-то этот сюжет уже проработал. Несколько раз. Не в книжках. На практике. Серия, и тянется давно. Первый случай – несколько лет назад. Потом еще два, с большими перерывами. А с этого августа – как прорвало, один за одним. И каждый раз утром, на рассвете.

Вот так. Несколько лет назад один ныне начинающий писатель учился в ЛГУ. Потом, надо думать, уехал на родину. Но Питер иногда навещал. А недавно поступил в аспирантуру и поселился в общежитии. Ага. Но как сумел написать такое? И так?

И что теперь делать? Рассказать все? Подождать до вечера?

Граев не дал взвесить до конца все за и против: информацию про плащи в прессу не сливали. Очень мало кто об этом знает. Ты уверен, что про этот сюжетный ход тебе кто-то где-то не сказал? Не обронил какой намек случайно? Не проговорился? Отложилось – а потом всплыло, как свое...

Он ничего не ответил. Он не знал, что ответить.

Граев давил: тип крайне опасный. И если сообразит, что проговорился... Знаешь, что будет? Знаешь, что с тобой будет?! Смотри!

Вскочил, выхватил из сейфа папку, швырнул на стол фотографию. На ней была голова. Стоящая на столе отделенная от тела голова. Он поднимал руку целую вечность, и еще вечность подвигал к себе фотографию. И заранее знал, чье лицо сейчас глянет мертвыми глазами на него.

Не она. Это была не она. Он очень надеялся, что колыхнувшаяся внутри радость не отразится на лице, ускользнет от Граева. Не она! Совершенно чужое лицо. Но женское. Вгляделся внимательней.

Реденькие довольно длинные волосы, цвет на черно-белом фото не понять, но не брюнетка. И не темная шатенка. Высокий узкий лоб; непропорционально расширяющееся книзу лицо дисгармонирует с маленьким ртом (измятым, искаженным, окровавленным) и узким подбородком; длинноватый, отнюдь не классической формы нос слишком приближается к верхней губе – и при жизни была не красавица. А уж теперь...

Под голову подставлена книга. Одна. Но очень толстая. Энциклопедия?

Смотри, смотри, скрежещет Граев. Это вторая. Всего шесть. Четыре женщины, двое мужчин. Ты понял, во что вляпался? Ты все хорошо понял? Вспоминай, перевороши

все свои разговоры! Сюжеты, бя, он прорабатывает...

Вторая... Это – вторая... А где...

Он так и не смог рассказать о странном парне Андрее Рулькине. Он слишком хорошо знал Граева. Даже если тот вовсе не Рулькин, Граев его найдет. Не даст времени до следующего рассвета. Он прорвется к высшему начальству, он поднимет на ноги всех, он оцепит общаги, он возьмет всю ответственность за возможную пустышку на себя. И пойдет со своей зондеркомандой по студгородку, как ходил пять лет назад на зачистках. Не разбирая, мужские комнаты или женские. Мордой в пол! Руки за голову!!! Лежать, бляди!!! Это маньяк-серийник и Граеву плевать на последствия. Он кого хочешь уложит мордой в пол – лишь бы избежать следующей головы на столе.

Тогда они с аспирантом Рулькиным никогда больше не увидятся. И никогда не спросить: как, как, как, черт побери, тот написал это. Рулькина будут спрашивать другие. И о другом.

Сидел молча. Сидел и не решался попросить фотографию первой. Или первого? Граев тоже молчал. Курил. Злился. Знал его блестящую память и не верил. И явно решал: отпустить с миром или применить допрос третьей степени?

Белое лицо на столе между ними глядело в никуда. Мертвыми пустыми глазами.

Граев остался один. Просидел несколько минут неподвижно. Снял трубку. Сообщение для абонента два-

дцать-семьдесят семь: «Женя, заканчивай лабуду. Бери Костика и срочно ко мне. Рыба клюнула. Павел».

Рыба не клюнула. Даже не всплеснула, не показалась из воды. Ходит в глубине кругами. Волчьими кругами. Зато теперь появился живец.

Он опоздал. Шел все медленнее и медленнее. Не знал, что скажет аспиранту Рулькину. С чего начнет разговор. Что вообще сделает, когда увидит неприметную фигуру за самым дальним столом. Почти не видную за прислоненными к стене щитами со старыми афишами.

За дальним столом – никого. И он понял, что не встретит писателя А.А. Рулькина никогда. На своих занятиях по крайней мере.

Он не представлял, о чем сегодня рассказывал. Слова лились свободным потоком, совершенно изолированно от сознания. И только по задаваемым вопросам сообразил, что прочитал лекцию о холодном оружии. О ножах. Попробовал сосредоточиться, стал отвечать: почему же тогда шпана всех мастей так любит финки? Единственно за внешний вид. Лезвие у финки совершенно неудобное, чтобы резать – слишком длинное и прямое. А при колющем ударе может застрять между костями – форма передней части нерациональная. Другое дело – в подворотне приставить к пузу лоха. Профиль хищный, опасный, щучий. На нервы давит сильнее хороших в работе ножей...

Такое в книжках не прочтешь. Это – от Граева. Надо по-

звонить ему. Прямо сегодня. Вся затея поговорить с Рулькиным – мальчишество. Дурацкое желание встать лицом к лицу с настоящим убийцей. Серийным маньяком. Две недели смотрел на это лицо и в эти глаза – и что? Да и кто сказал, что он убивает только на рассвете? И только в длинном пальто? К черту живых маньяков. Фантазии пока хватает и на придуманных.

Задумался, не услышал следующий вопрос. Извинился, сослался на нездоровье, завершил занятие. На пятьдесят минут раньше. Даже не соврал – второй день в груди поселилась тупая боль, то затихая, то усиливаясь.

Остановил у дверей Иришку Чернову. Она добровольно была кем-то вроде неформального старосты – практически, впрочем, без обязанностей. Спросил про Рулькина.

Удивилась: а кто это?

Напомнил, описал внешность. Не вспомнила. Он давил: вон там же сидел, за дальним столом. В самом углу, за афишами. Иришка смутилась: да-да, вроде действительно ходил такой, незаметный и тихий. Нет, координат ей не давал, да и не общалась она с ним, она сюда не за этим ходит, ей гораздо интереснее...

Понятно. Других не стал и спрашивать. И так ясно, что никому Рулькин (Рулькин ли?) никакой ведущей к себе ниточки не дал. Не исключено, что вся его здесь учеба затеяна с единственной целью – всучить свой людоедский опус. Недаром держался так тихо и незаметно, ни с кем не общаясь.

Граева на месте не было. Мобильник тоже не отвечал. Дежурному ничего говорить не стал. Дозвонится завтра.

Часы остановились. Время хотело было остановиться вместе с ними, не получилось – за окном светало. Но несколько часов куда-то опять исчезли – как и над чем работал почти всю ночь, он не помнил. Совершенно. Почти дописанный рассказ читал, как совершенно незнакомый. Сюжет (изобретенный как обычно, в метро, позавчера) был прост: герой, от лица которого идет повествование, встает рано утром и едет в область, в однодневную командировку, на заштатное деревенское предприятие. Все хорошо и мило: природа, дорога, приветливые сельские жители, патриархальный и немного смешной провинциальный заводик. Но постепенно герой замечает на заводе некие легкие странности, крохотные неправильные штрихи в общей светлой картине. Штрихи становятся толще и виднее, странное превращается в загадочное, потом в чудовищное – и в финале герой погибает не то в шестернях, не то в кислотном резервуаре огромного агрегата, предназначенного совсем не для этого. Не шедевр, но продаваемо. Что это за агрегат и какие гнусности творились под мирной личиной завода – он не успел придумать.

И правильно, потому что в командировку герой не уехал. Собрался выходить, открыл дверь и тут же получил первый удар ножом. От закутанной в длинный бежевый плащ фигуры.

Это был рассказ Рутькина. Вывернутый им наизнанку –

точь-в-точь по своему рецепту – то же самое глазами убиваемого. Читать дальше не стал. Ощущения жертвы в процессе расчленения любопытства не вызывали.

Строки на экране плыли и прыгали. Глаза резало. Внутри сжималась и разжималась когтистая лапа. В ушах – погребальный звон. Или... Звонок в дверь?

Медленно, массируя грудь, подошел к двери. Неуверенно взялся за шишечку замка. Он никогда не спрашивал: «кто?»

Граев шел по тротуару – плечи от одного края до другого. Зол был ужасно. Что за манера идиотская – убивать на рассвете? Одно слово, маньяк. Псих и шизоид. Нормальный человек купит вечером водки, в теплой компании на собственной кухне выпьет ее в количестве, непредставимом для какого-нибудь европейца, сбегает за добавкой, выпьет еще – и зарежет хлебным ножом собутыльника. Потом уснет тут же под столом, где утром его и повяжут. Напишет с похмелюги чистосердечное и поедет в республику Коми валить лес и ждать амнистии. А если даже пойдет на умышленное и подготовленное – все равно не попрется на рассвете. Народу на улицах почти нет, кто на заводы – прошли затемно, кто в конторы и офисы – те еще дома. Любой неурочный прохожий на улице виден за версту и запоминаем. И чужой в подъезде, на лестнице – тоже, для гостей совсем не время.

Однако – шесть трупов.

А этот дурак делает все, чтобы стать седьмым. Хотя вчера поберегся грамотно – закончил курсы свои дурацкие на час

раньше. Если кто-то изучил распорядок и планировал встречу на пустынной темной улице – то просчитался. Но опасней-то всего – утро. Ну ладно, мы на страже, мы бдим. Но наружке кем тут прикинуться, подскажите? Влюбленной парочкой, не замечающей часов? В шесть утра...

Женька выкрутился изящно. Сидит на лавочке у самого подъезда, бессмысленно смотрит на бутылку пива. Открытую и полупустую, стоящую на той же лавочке. В руке погасшая сигарета. Нарядный прикид приведен в некий беспорядок – не слишком сильный. Ясно сразу: мужик завершил ночной загул, достаточно, впрочем, культурный. И теперь никак не соберется с силами взять курс на родной аэродром. Пьян, понятно. Но не агрессивен и не в лежку, не вызывая немедленного желания набирать две начинающихся с нуля цифры. Неплохо.

Граев уселся рядом. Женька чуть заметно покачал головой. Граев сделал легкий жест рукой: уходи, потом поговорим. Через минуту из подъезда вышел Костик. Что придумал он, дабы не выпускать дверь из виду, Граев не представлял. Разве что прикинулся ковриком.

Отпустил и его. Сам остался, одним глотком оприходовал пиво. Сидел мрачным сфинксом, курил. Не бутафорил, ничего из себя не изображал. Зачем сидел? Он и сам не знал. Утренний Мясник не придет. Сегодня уже не придет. Поздно – солнце все выше поднимается над пустырями купчинских новостроек. Надо уходить. Уходить и снова бесплод-

но ломать голову, пытаясь найти хоть какие-то связи между шестью расчлененными трупами. Их может и не быть. Бывало всякое. Иногда просто мочат без разбора. Иногда делают хитрую и кровавую обставу – заставить поверить в серию, вывести из-под удара кого-то, имевшего веские причины убрать лишь одного. Опять ребята будут рыскать по городу, по всем секунд-хендам, по магазинчикам, по выставленным буквой «П» раскладушкам (ох, сколько же их! любит наш народ шмотки второго срока...) – присматриваться, искать человека, покупающего длинную свободную одежду – плащ, легкое пальто. Одежду на один раз. Человека, про которого ничего больше не известно. А ночью – опять сюда, к писательскому подъезду. Чтобы попытаться покончить с тянувшимся восемь лет кошмаром.

Он умер от сердечного приступа. Тем самым утром. На рассвете. Многие ученики пришли на похороны. Последняя группа – вся. В полном составе. Все двенадцать человек. Рутькина А.А., паренька со светлыми редеющими волосами, среди них не было. Иришка, вспомнив последний (Господи! кто бы знал?) разговор с метром, специально пересчитала всех, сравнив со списком. И убедилась – учитель ошибся. Перепутал с прошлой группой. Наверное, уже страдал от болей... Жалела искренне. От лица учеников выступила на гражданской панихиде. Крохотные ушки, как всегда, пылали. Дрожал голос – но не мысли. А слезы были – настоящие. Заключение лежало на столе. Граев к нему не притраги-

вался. Сомневался. Сомневающийся Граев – зрелище редкое. И страшноватое. Лоб нахмурен, огромные кулаки сжимаются и разжимаются, высокие скулы закаменели неподвижно.

Доктор Марин, эксперт, чувствовал себя виноватым: я понимаю, Граев... Такое совпадение... Сутки ты его пас, ожидая подхода убийцы – а утром труп. Но это совпадение. Я и сам сделал стойку, проверил все, что мог. Все чисто. Никакой экзотики. Никаких инъекций через замочную скважину. Никаких распыленных в щелочку препаратов. Это не убийство, Граев. Скорее самоубийство – в самом широком смысле слова. Он сам себя убивал – лошадиными дозами кофе, сигарет, спиртного. Ритмом жизни этим диким. Сердце и сосуды в таком состоянии... Все могло оборваться в один момент. И оборвалось.

Граев упорствовал: Василий Петрович, скажи – что-то могло послужить внешним толчком? Страх?

Марин понял с полуслова: думаешь, открыл дверь, а там – Утренний Мясник? В длинном пальто и с окровавленным топором под мышкой?

Граев так не думал. Думать так – признать, что люди, которым не раз доверял прикрывать спину, могут предать и подставить. Бросить пост. Просто проверял все варианты – по въевшейся намертво привычке.

Марин: теоретически такое возможно. А было ли – проверь. Я не слишком верю. Глазка в двери нет, а напугать

словами? Не ребенок все-таки... Защелки тоже нет, уходя – не захлопнешь... Ключи пропадали? С замком кто-нибудь мудрил снаружи?

Заключение по замку еще не готово. И, похоже, придется привлечь дополнительных экспертов. Литературоведов. Для листков, которые сейчас кропотливо, как мозаику, складывают из найденных в мусорном ведре обрывков. Два готовых Граев прочитал – и очень ему не понравилась такая разработка сюжета.

Марин пожал плечами: а если Мясник был внутри, то почему не занялся любимым делом? Тот ведь не сразу умер... Не в одну секунду...

Граев молчал. Не было внутри Мясника. Если только... Если только...

Спросил: что-нибудь еще любопытное нашлось? Со смертью не связанное? На первый взгляд не связанное?

Марин задумчиво взъерошил волосы: ну, в общем, кое-какие изменения в мозгу были. Говорят, у творческих людей – дело обычное. Результаты вскрытия мозга Вольтера или Ленина... Там вообще такое... Поневоле поверишь в теорию, что гениальность – просто огромная патология. Внешние проявления? Хм... Трудно сказать... У него не случались провалы в памяти, черные пятна – причем на трезвую голову? Тебе не говорил?

Говорил. Случались. Граев опускал слова медленно, осторожно, как мины на боевом взводе: у него выпадало иной раз

по несколько часов... Ночью и утром... Читал свои рассказы – и не знал, как их написал... Не помнил...

Марин утвердительно закивал: вот-вот, очень похоже. Но это со смертью не связано. никоим образом. Эти патологии возникли давно и жизни угрожать никак не могли...

Граев на что-то решился. Взял заключение со стола, сложил пополам. Сказал с совершенно мертвой интонацией, ни вопроса, ни утверждения: «Давно... Очень давно... Лет восемь назад, не меньше...»

Задребезжал телефон, Граев снял трубку. Возбужденный голос Костика: Паша, нашли секонд-хендик в Купчино! Уличный, на раскладушках. Там запомнили мужика – покупал длинные пальто, плащи. Четыре раза как минимум за последнее время. Не примеряя, на глазок. И – всегда утром, они только-только раскладывались...

Молодцы, бесцветным голосом похвалил Граев.

Костик холодка не заметил: но самое-то главное! По словесному – это вылитый... Граев, спорю на ящик пива, вовек не догадаешься...

Граев, хмуро: тоже мне, бином Ньютона... Готовь пиво.

...Подошел к стеллажу, вынул книгу в мягкой обложке. Секунду смотрел на дарственную надпись. И – жилы на лбу вздулись – пополам. Поперек. Швырнул обрывки в мусорную корзину.

Прощайте, доктор Джекил.

Любимая

Тропинка едва заметна. Тростник стоит зеленой стеной, метелки тихо шелестят над головами. Джунгли. Кажется – вот-вот затрещат под тяжелой поступью стебли и кто-то огромный, чешуйчатый, жутко древний – протопает, не выбирая дороги, пересечет наш путь, мы замрем и оторопело будем смотреть, как исчезает в зарослях волочащийся за ним длинный хвост...

– Здесь правда-правда никого никогда не бывает? – спрашиваешь ты.

– Конечно, любимая. Никого-никогда. Только ты и я. Мы с тобой...

– А кто же тогда протоптал тропинку?

– Не знаю... Может, кабаны?

Ты громко и заливисто смеешься. От звонкого смеха все древние и чешуйчатые позорно бегут, трусливо поджимая длинные хвосты... Кабаны, обиженно похрюкивая, спешат за ними. Кабаны здесь – в пятидесяти верстах от огромного города! – действительно бывают. Но тропинку протоптал я.

Долина постепенно понижается, под ногами должно уже зачавкать – но не чавкает, все высохло, лето очень жаркое. Заросли вдруг кончаются, травянистый склон, вверх – и мы пришли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.